

ВОСПОМИНАНІЯ

ОФИЦЕРА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

О ВОЙНѢ 1877 — 1878 гг.

ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦИИ.

(Съ планами и чертежами).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во время мобилизаціи гвардіи, въ 1877 году, я былъ командированъ къ штабу гвардейскаго корпуса, съ которымъ и выступилъ въ походъ 14-го августа. При этомъ редакция «Русскаго Инвалида» и «Военнаго Сборника» предложила мнѣ присылать съ театра войны корреспонденціи въ газету; предложеніе это было мною принято и шестнадцать моихъ писемъ напечатаны на страницахъ «Русскаго Инвалида» 1877 и 1878 гг. Письма эти полностью войдутъ въ текстъ настоящихъ «Воспоминаній». Но это далеко не единственный матеріалъ, которымъ я воспользуюсь въ данномъ случаѣ. Служебныя обязанности во время войны, множество внѣшнихъ причинъ, которыхъ не зачѣшь и перечислять, бивачная обстановка и пр. не позволяли мнѣ съ достаточной подробностью описывать тѣ факты, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ пришлось быть.

Бромѣ того, разъясненіе нѣкоторыхъ событій не могло имѣть мѣста во время хода военныхъ дѣйствій: въ этомъ отношеніи я могу указать, напримѣръ, главу: «Проектъ Забалканскаго похода западнаго отряда». Иныя письма, впопыхахъ, по причинѣ окончательнаго недосуга для сколько нибудь сносной ихъ литературной обработки, были исключительно достояніемъ частнаго лица, къ которому я ихъ адресовалъ, не предназначались даже для печати.

Наконецъ, послѣ кампаніи, у меня собралось нѣсколько официальныхъ документовъ, которыми я не могъ воспользоваться для своихъ корреспонденцій. Всѣ перечисленные источники обильно пополняютъ мо-

письма и расширяютъ ихъ объемъ и содержаніе. По всему этому я считаю себя вправѣ являющіяся теперь въ печати мои «Воспоминанія» назвать трудомъ вполне самостоятельнымъ.

Еще нѣсколько словъ, относительно характера подлежащихъ записокъ. Я описываю лишь то, что самъ видѣлъ, испыталъ, почувствовалъ. О событіяхъ, совершавшихся внѣ сферы моего личнаго наблюденія, я говорю лишь по крайней необходимости и притомъ въ общихъ чертахъ. Литературная форма труда мало меня заботитъ, а всякаго рода вымыслы и игривыя произведенія фантазіи я считаю не только неприличными въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ очеркъ событій великой, пережитой нами драмы, но и крайне недобросовѣстными, въ виду главной моей цѣли, а именно: чтобы настоящія страницы послужили матеріаломъ для будущаго историка послѣдней нашей войны. Поэтому, читатель, ищущій увеселительнаго чтенія, можетъ спокойно оставить неразрѣзанными мои статьи.

Съ самаго начала кампаніи я состоялъ при штабѣ гвардейскаго корпуса; затѣмъ, начиная съ боя по Горнимъ Дубнякамъ, почти все время выходилъ въ командировкахъ, въ качествѣ офицера генеральнаго штаба или начальника штаба при различныхъ отрядахъ.

Это обстоятельство указываетъ, что мое положеніе давало мнѣ возможность знать подробно и достоверно многія событія изъ дѣйствій гвардіи.

Событія, сколько нибудь справедливая оцѣнка которыхъ еще преждевременна, вслѣдствіе ли того, что дѣятели войны пока почти всѣ на лицо, или потому, что слишкомъ мало имѣется для этого данныхъ, или, наконецъ, по какимъ либо другимъ уважительнымъ и независимымъ отъ меня причинамъ, — исключены изъ моихъ записокъ вовсе или о нихъ упоминается только для общей связи разсказа. Частные же промахи и невольныя ошибки, смѣю надѣяться, будутъ разъяснены участниками кампаніи.

I.

Петербургъ.—Горній-Студень.

Мобилизація гвардейскаго корпуса.—Инструкція для боевиковъ дѣйствій.—Отъездъ.—Путевыя впечатлѣнія по Россіи.—Румынія.—Яссы.—Бухарестъ.—Зимница.—Горній-Студень.—Мидхатъ-паша.—Первые шаги въ Болгаріи.—Царевца.

Тяжелыя минуты переживалъ русскій народъ въ достопамятные июльскіе дни 1877 года. Первый ударъ народной гордости былъ нанесенъ событіями на Кавказѣ.

Впрочемъ, всё хорошо сознавали, что тамъ сосредоточены лишь второстепенные наши интересы. Крымская война ясно показала, что блистательный конецъ кампаніи на Кавказѣ мало могъ помочь неудачамъ на главномъ театрѣ дѣйствій. Всё ваворы, поэтому, привлечены были къ событіямъ въ Болгаріи, гдѣ готовились противнику рѣшительные удары.

Блестящій переходъ нашей арміи черезъ Дунай и орлиный перелетъ «Передоваго отряда» черезъ Балканы, служили для очень и очень многихъ указателемъ той быстроты и легкости, съ какою должно было рухнуть гнилое зданіе Турецкой Имперіи.

Первая неудача подъ Плевной острымъ ножомъ вонзилась въ народное сердце. Вѣсть объ этомъ, въ сущности незначительномъ, дѣлѣ произвела потрясающее впечатлѣніе. Языкъ прикипалъ къ гортани при чтеніи лаконической депеши главнокомандующаго. Присутствующіе при этомъ какъ-то неловко себя чувствовали, конфузились глядѣть другъ на друга, проносились отрывочныя успокоительныя фразы, а на сердцахъ между тѣмъ—лютая скорбь. Черезъ 10 дней—вторая, болѣе серьезная неудача подъ той же Плевной.... Тогда уже въ публикѣ распространилась, можно сказать, тревога. Человѣкъ, продолжавшій вѣровать въ русскія силы, въ русскую мощь, казался легкомысленнымъ, шовинистомъ, многіе не рѣшались открыто заявлять свои надежды и хор малодушныхъ мудрецовъ, свободно, на просторѣ, съ полнымъ апломбомъ гудѣлъ: «Я говорилъ!» «Я предвидѣлъ!» и т. п..... И все это въ самомъ началѣ войны, когда былъ отбитъ (замѣтьте—отбитъ, а не раббитъ) одинъ только корпусъ, наткнувшійся на превосходнаго противника въ укрѣпленной позиціи!

Тяжело было каждому изъ насъ, военныхъ, оставаться въ Петербургѣ. Хотѣлось броситься въ это дѣло, отдаться ему всецѣло и побѣдѣть.

или погибнуть! Гвардія дѣйствительно рвалась въ походъ. Вѣсть о мобилизаци гвардейскаго корпуса принята была съ восторгомъ. Командиръ гвардейскаго корпуса, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, какъ извѣстно, начальствовалъ Русудскимъ отрядомъ и не могъ вернуться къ своему корпусу. Начальникъ же штаба гвардейскаго корпуса графъ Воронцовъ-Дашковъ, состоявшій при Его Высочествѣ, немедленно вернулся (вмѣстѣ съ генеральнаго штаба полковникомъ Гудимъ-Левковичемъ) изъ Болгаріи въ Петербургъ.

Въ двадцатыхъ числахъ іюля получено было приказаніе о приведеніи на военное положеніе гвардейскаго корпуса, и всѣ части возвратились къ мѣстамъ своего постоянного квартированія. Начались энергическія приготовленія къ походу. Офицеры съ утра до вечера разѣзжались по петербургскимъ магазинамъ, стараясь заготовить всѣмъ «практичнымъ» и «необходимымъ». Магазины гутаперчевыхъ и кожаныхъ издѣлій едва успѣвали удовлетворять требованія. Всякій пріѣзжій съ театра войны былъ осыпаямъ вопросами, касавшимися необходимаго походнаго снаряженія. Разумѣется, набрано было неопытной молодежью множество излишняго, въ родѣ фильтровъ для воды и т. п., и мало кто взялъ крайне полезный, напримѣръ, въ походѣ «неприкосновенный запасъ» соли, нѣсколько кусковъ фланели для заворачиванія ногъ въ холодное время, полушубокъ, нѣсколько доскутьевъ сузна для починокъ, веревокъ и т. п.

Походныя аптечки ходко шли въ продажѣ, не смотря на то, что употребленіе наибольшей части заключавшихся въ нихъ медикаментовъ не было извѣстно ихъ владѣльцамъ — и они остались нетронутыми; а въ такихъ полезныхъ вещахъ, какъ хининъ, капли Иноземцова, ревенный корень, и въ нѣкоторыхъ другихъ, скоро ощущался недостатокъ.

Между тѣмъ, укомплектованія стали быстро прибывать и мною разъ назолилось въ Михайловскомъ манежѣ до 2,000 человекъ, которыхъ нужно было распредѣлять по различнымъ частямъ. Завѣдывавшіе сборными гвардейскимъ пунктомъ: генеральнаго штаба подполковникъ Старовскій и лейбъ-гвардіи 1-го Стрѣлковаго Его Величества баталіона колковникъ Тишинъ, выбивались изъ силъ въ своей трудной работѣ. А тутъ еще масса просьбъ, заявленій рѣшительно неисполнимыхъ. Каждому изъ запасныхъ нижнихъ чиновъ желательно было, конечно, попасть преимущественно въ свою часть, но это далеко не всегда оказывалось возможнымъ. Особенно огорчены были нижніе чины, попавшіе въ парки, и гвардейскіе кавалеристы, которыхъ назначали въ обовъ

въ пѣхоту. Мобилизація, между тѣмъ, шла на столько быстро, что въ половинѣ августа уже могли двинуться первые эшелоны гвардіи.

Передъ выступленіемъ въ походъ графъ Воронцовъ-Дашковъ пожелалъ освѣжить въ памяти гвардейцевъ общія основанія боевой дѣятельности войскъ и поручилъ намъ, офицерамъ генеральнаго штаба, состоявшимъ при штабѣ гвардейскаго корпуса, составить, подъ общей редакціей и при дѣятельномъ участіи полковника Гудима-Левковича, «Инструкцію для войскъ гвардейскаго корпуса», которая и была утверждена Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, затѣмъ напечатана и разослана въ значительномъ количествѣ экземпляровъ во всѣ части.

«Инструкція» эта начиналась краткимъ топографическимъ очеркомъ Придунайской Болгаріи, а затѣмъ заключала въ себѣ слѣдующія главы:

I. Расположеніе войскъ на отдыхѣ; мѣры охраненія и развѣдыванія.

II. Походныя движенія; мѣры охраненія и развѣдыванія.

III. Бой.

IV. Преслѣдованіе.

V. Отступленіе.

Я позволю себѣ остановиться на самой важной главѣ «Инструкціи», а именно на III, трактующей о боѣ и представляющей наибольшій интересъ.

«Характерныя особенности непріятеля — говорилось въ «Инструкціи» — на сколько можно судить по опыту, слѣдующія:

«Турецкія войска пользуются мѣстностью, стойки въ оборонѣ, особенно противъ фронтальной атаки, за то скоро сдаютъ при обходахъ ихъ позиціи; въ наступленіи выказываютъ мало энергіи, что происходитъ преимущественно отъ недостатка навыка въ маневрированіи — самаго существеннаго недостатка турецкихъ войскъ. Въ развѣдочной службѣ и партизанскихъ дѣйствіяхъ у турокъ замѣтенъ также недостатокъ предприимчивости, хотя они, при посредствѣ мѣстныхъ жителей, по большей части имѣютъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія о расположеніи и силахъ нашихъ войскъ. Особенно полную пассивность непріятельскія войска выказываютъ въ ночное время. Этимъ качествомъ иногда можно пользоваться съ громаднымъ успѣхомъ, хотя, съ другой стороны, и намъ не слѣдуетъ предаваться безпечности, а напротивъ, бдительно охранять себя, чтобы не подвергаться малѣйшему риску. Турецкая пѣхота хорошо вооружена и снаряжена, хотя ея вооруженіе крайне разнообразно. Къ особенностямъ дѣйствій въ бою пѣхоты слѣдуетъ отнести большую *невыдержанность огня*.

«Пѣхота отерываетъ огонь на очень значительныхъ разстояніяхъ, хотя

ея стрѣльба даже и на близкихъ разстояніяхъ не отличается большою мѣткостью. Имѣя значительный запасъ патроновъ, она поддерживаетъ долго частый огонь. Но, не смотря на это, старая истина: *«только рѣдкая стрѣльба мѣтка»* остается въ своей силѣ, и мы не должны подражать этой вредной привычкѣ. Благодаря нашему искусству въ стрѣльбѣ и твердой дисциплинѣ огня, наша пѣхота будетъ беречь свои патроны во времени сближенія съ противникомъ и сдѣлаетъ тогда свой огонь неодолимымъ. Поэтому, умѣніе держать въ рукахъ огонь своей части есть труднѣйшая обязанность и вмѣстѣ съ тѣмъ самое существенное отличіе хорошаго начальника.

«Открывая запальчиво частый огонь, турецкая пѣхота неохотно выдерживаетъ дружный натискъ, предпринятый съ небольшого разстоянія.

«Турецкая артилерія имѣетъ превосходныя орудія, не уступающія въ мѣткости нашимъ, за то наша артилерія далеко превосходитъ неприятельскую въ искусствѣ маневрированія. Хотя турецкая артилерія пристрѣливается очень скоро и стрѣляетъ вообще мѣтко, но, подобно пѣхотѣ, отличается невыдержанностью огня. Обыкновенно, она открываетъ огонь на разстояніяхъ до 4,000 шаговъ и далѣе и, нужно сказать, что и на такихъ дистанціяхъ снаряды ея ложатся очень близко около цѣли; но понятно, что дѣйствительность такой стрѣльбы всегда ничтожна. Войска на большихъ разстояніяхъ представляютъ такую малую цѣль, что достаточно самаго незначительнаго передвиженія, чтобы всѣ выстрѣлы были безвредны (1).

«Сверхъ того, нужно прибавить, что неприятель имѣетъ вообще очень мало орудій, а потому и вынужденъ ими дорожить, изъ опасенія ихъ потерять. Турецкая артилерія очень скоро снимается съ позицій. Это слѣдуетъ имѣть въ виду, и наши стрѣлки, какъ только представится случай, должны усиленно осыпать близкимъ огнемъ неприятельскія батареи.

«Что касается до турецкой *кавалеріи*, то, вообще говоря, этотъ родъ оружія, въ особенности иррегулярная кавалерія, и по числу и по качеству, представляетъ самую слабую сторону неприятельской арміи, и нашей блестящей кавалеріи предстоитъ обширное поприще для славныхъ подвиговъ. Регулярная турецкая кавалерія почти не показывается на театрѣ войны, такъ скромны ея дѣйствія. Что касается до черкесовъ, то они обладаютъ многими особенностями хорошей иррегулярной конницы. Вооруженіе ихъ очень хорошее (изъ огнестрѣльнаго, въ большинствѣ магазинное ружье). Но этимъ оружіемъ они часто злоупотребляютъ, стараясь болѣе всего о производствѣ сильнаго огня съ лошади. Главное же оружіе кавалериста—добрый конь и атака холоднымъ оружіемъ—имъ непріусица. Всѣ они сидятъ на маленькихъ, хотя и выносливыхъ лошадяхъ и неохотно по этому бросаются въ шашки. Въ дѣйствіяхъ малой войны вся турецкая

(1) Этимъ и объясняется ничтожность потерь у насъ отъ артилерійскихъ снарядовъ.

кавалерія, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, показывала полное отсутствіе предприимчивости.

«Изъ сказаннаго видно, что, имѣя дѣло съ такимъ противникомъ, необходимо дѣйствовать только *наступательно*. Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда самая задача, выпадающая отряду, или громадное численное превосходство неприятеля потребуютъ прибѣгнуть къ *оборонѣ*, то и тогда помыслы всѣхъ участвующихъ въ бою, отъ начальника до послѣдняго рядового, должны быть направлены къ тому, чтобы и самую оборону вести не иначе, какъ *нападая*. Нигдѣ доблесть войскъ и искусство военачальника не выказываются въ такомъ яркомъ свѣтѣ, какъ при такой оборонѣ. Нужно помнить, что выгоды, сопряженныя съ пассивною обороною, въ конечномъ результатѣ далеко покрываются ея невыгодами. Поэтому, мы будемъ вести только наступательный образъ войны—онъ намъ присущъ уже давно.

«Но есть другая сторона дѣла, въ которой можно упрекнуть почти всѣ войска, отличающіяся храбростью, а слѣдовательно и наши—это излишняя *запальчивость*.

«Какъ бы ни былъ слабъ противникъ, но этого слѣдуетъ избѣгать. Запальчивость вообще можетъ выразиться: а) со стороны *начальниковъ*—въ недостаточной оцѣнкѣ силъ и искусства неприятеля, а потому является стремленіе вступить въ бой съ тѣмъ, что имѣется подъ рукою. Стремленіе, конечно, похвальное, но часто приводящее къ излишнимъ жертвамъ; б) со стороны *исполнителей*—въ полномъ пренебреженіи подготовкою успѣха атаки *огнемъ* и порывъ сойтись скорѣе грудъ съ грудью съ неприятелемъ. Опять—чувство похвальное, но также точно ведущее за собою совершенно лишнія потери. Всѣ начальники должны помнить, что даже въ неумѣлыхъ рукахъ современное оружіе производитъ сильное опустошеніе въ рядахъ противника, что, поэтому, благородный духъ отваги, до сближенія съ неприятелемъ на дистанцію атаки, долженъ быть обращенъ на надлежащее веденіе стрѣльцоваго боя. Загнанчиваніе его атакою—дѣло нѣсколькихъ минутъ, и чѣмъ тщательнѣе будетъ веденъ огнестрѣльный періодъ боя, тѣмъ легче и дешевле достигнемъ благопріятнаго успѣха.

«Итакъ, *наступательный* образъ дѣйствій, *энергія* и *предприимчивость* въ бою, но безъ излишней запальчивости, полное уваженіе къ тщательной стрѣльбѣ и своевременный переходъ къ *окончательному* удару.

«Въ большинствѣ случаевъ артилерія завязываетъ бой. Поэтому, подходя къ сферѣ артилерійскаго огня, начальникъ артилеріи выѣзжаетъ съ батарейными командирами на избранную позицію и опредѣляетъ въ подробности: сколько орудій можетъ быть выдвинуто на позицію и по какой цѣли нужно открыть огонь.

«Вѣрный *выборъ* наиболее важной цѣли (въ началѣ боя артилерію неприятеля, а для подготовки атаки—пѣхоту), *быстрая пристрѣлка* и

сосредоточенный отъ—суть азбука артилерійскаго боя. Затѣмъ артилерійскій начальникъ долженъ:

«1) Поддерживать постоянную связь съ старшимъ начальникомъ отряда, чтобы всегда имѣть точныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ послѣдняго; также постоянно сообщаться съ сосѣдними пѣхотными частями, указывать имъ разстоянія до непріятельской цѣли, предупреждать ихъ о времени и мѣстѣ своихъ выѣздовъ и т. д.

«2) Возможно полнѣе ознакомиться съ впереди лежащею мѣстностью для того, чтобы, въ случаѣ необходимости двинуться впередъ, заранѣе опредѣлять, какую позицію выгоднѣе всего занять и какимъ образомъ удобнѣе всего совершить самый переѣздъ.

«3) Поддерживать связь со 2-мъ эшелономъ зарядныхъ ящиковъ.

«4) Постоянно вести учетъ израсходованнымъ снарядамъ.

«Наша артилерія достаточно сознала, что, при современной системѣ орудій, частые и короткіе переѣзды положительно вредны. Поэтому, она будетъ дѣлать переѣзды только на большія разстоянія, чтобы получить действительную выгоду въ мѣткости. Но, съ другой стороны, это не помѣшаетъ пренебречь однимъ изъ крайне одностороннихъ предрассудковъ—будто бы бесполезности подѣзжать къ непріятелю на очень близкія разстоянія (800—1000 шаговъ).

«Съ точки зрѣнія исключительно мѣткости—это вѣрно, но невѣрно въ смыслѣ священнаго закона «выручки своихъ». Въ подобныхъ случаяхъ не мѣткость стрѣльбы, а близость артилеріи иногда помогаетъ иѣхотѣ переносить тяжелыя минуты—сферу близкаго ружейнаго огня. Вотъ почему наша артилерія не задумается подсакивать и на близкое разстояніе къ противнику, лишь бы поддержать нашу пѣхоту.

«Въ своей исторіи артилеристы найдутъ много примѣровъ молодецкихъ выѣздовъ на позицію, имѣвшихъ только эту высокую цѣль.

«Воздержится наша артилерія и отъ другаго предрассудка: излишняго опасенія потерять орудія, который часто заставляетъ артилерію сниматься съ позицій ранѣе той минуты, когда она можетъ принести наибольшую пользу.

«Потеря орудія не безчестье для артилеріи, а напротивъ, слава, если только оно успѣло сдѣлать послѣдній выстрѣлъ въ упоръ.

«Поэтому, мысль: «самый лучший выстрѣлъ послѣдній», т. е. въ упоръ, долженъ быть для артилеріи *заповѣдью*.

«Съ открытіемъ артилерійскаго огня пѣхота, назначенная въ боевыя линіи, размыкается по-баталіонно, чтобы занять опредѣленное имъ направленіе. При этомъ не слѣдуетъ торопиться съ переходомъ въ строй по-ротно. Иначе трудно будетъ сохранять возможно полный порядокъ при дальнѣйшемъ маневрированіи; къ тому же это и бесполезно, въ смыслѣ сбереженія части отъ потерь, ибо на 3—4 тысячи шаговъ баталіонный строй представляетъ совершенно ничтожную цѣль.

«Наконецъ, если бы баталіону пришлось случайно двигаться по открытой мѣстности, а непріятельскіе снаряды ложатся вблизи баталіона, то баталіонъ можетъ перейти въ строй по-ротно на ослабленныхъ дистанціяхъ и интервалахъ.

«*Примѣчаніе.* Конечно, все движеніе должно быть прикрыто сильною цѣпью патрулей, а при дальнѣйшемъ сближеніи—слабою цѣпью стрѣлковъ. Временемъ движенія баталіоновъ въ этомъ порядкѣ начальники частей, до баталіонныхъ командировъ включительно, должны воспользоваться, чтобы осмотрѣть въ подробности впереди лежащую мѣстность, соответственные участки, какъ своей, такъ и непріятельской позиціи и, наконецъ, выяснитъ себѣ, въ возможной полности, предстоящій имъ способъ дѣйствій.

«*Примѣчаніе.* Баталіонные командиры должны все это сдѣлать до перехода ихъ баталіоновъ въ строй по-ротно.

«Когда осмотръ будетъ конченъ и баталіонные командиры могутъ отдать себѣ ясный отчетъ въ предстоящихъ дѣйствіяхъ баталіона, тогда они передаютъ приказанія своимъ ротнымъ командирамъ, опредѣляя каждому изъ нихъ совершенно точно его *роль*.

«Совѣтуется дѣлать это возможно обдуманнѣе и указать ротнымъ командирамъ *что имъ дѣлать*, а не *какъ сдѣлать* или, другими словами, указать имъ *цѣль*, не касаясь *средствъ* для исполненія.

«Задачи, поставляемыя ротнымъ командирамъ, должны быть такъ объяснены, чтобы послѣдніе могли быть совершенными хозяевами своихъ ротъ и, въ случаяхъ непредвидѣнныхъ, брать на себя самостоятельныя рѣшенія, ведущія къ общему благу.

«Въ теченіе всего боя, баталіонный командиръ долженъ быть на высотѣ своего назначенія, не принимая на себя чуждую ему роль командира каждой роты. Онъ постоянно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы всѣ дѣйствія его ротъ строго отвѣчали общей задачѣ, поставленной баталіону. Только явно ошибочныя распоряженія, которыя или не отвѣчаютъ общей цѣли, или же ведутъ за собою излишнія потери въ людяхъ и во времени, должны вызвать прямое вмѣшательство баталіоннаго командира.

«Ротный командиръ, получивъ приказаніе, долженъ:

«1) Обдумать въ возможной полнотѣ наивыгоднѣйшій способъ дѣйствій. При этомъ выяснитъ: какую часть назначить въ цѣль, какое дать направленіе ея фронту и опредѣлить степень густоты по участку позиціи; въ какомъ направленіи вести цѣль и ея резервъ, какія мѣры принять къ поддержанію связи съ сосѣдними ротами, для охраненія фланговъ, прикрытія сосѣднихъ батарей и проч.

«2) Въ извѣстной мѣрѣ ознакомить офицеровъ и нижнихъ чиновъ роты съ принятымъ имъ рѣшеніемъ.

«3) Заранѣе опредѣлить и назначить замѣстителей на случай *убыли* старшихъ чиновъ роты.

«Какъ распредѣлить роту на цѣль и резервъ будетъ зависѣть:

«1) *Отъ близости къ противнику.* Вдали отъ него лучше имѣть меньше людей въ цѣпи, и наоборотъ.

«*Примѣчаніе.* При оборонѣ можно сразу рассыпать густую цѣпь.

«2) *Отъ мѣстности.* На открытыхъ мѣстахъ, сильно подверженныхъ огню, лучше имѣть цѣпь рѣже; напротивъ, если мѣстность представляетъ хорошія закрытія, цѣпь можно доводить до послѣдней степени густоты. Это показываетъ, что цѣпь, высланная даже отъ одной роты, не будетъ одинаково густа по фронту. Считается полезнымъ указать, что для уменьшенія перемѣшиванія въ цѣпи людей, слѣдуетъ, рассыпая какую нибудь часть въ цѣпь, не гоняться за тѣмъ, чтобы стрѣлки прикрывали непременно весь фронтъ резерва. Лучше оставлять промежутки, которые заполняются потомъ рассыпаніемъ свѣжихъ частей. Такимъ образомъ, усиленіе цѣпи дѣлать по возможности удлинненіемъ ея.

«*Огонь въ цѣпи.* Дисциплина огня имѣетъ самое существенное вліяніе на ходъ боя. Нижніе чины должны знать, что только трусы заглушаютъ свой страхъ безтолковой трескотней. Нужно имѣть въ виду, что въ части могутъ найтись такіе негодные солдаты. Ихъ слѣдуетъ имѣть подъ особымъ надзоромъ унтеръ-офицеровъ и старшихъ въ звеньяхъ. Часто одинъ глупый выстрѣлъ можетъ повести за собою бесполезную пальбу всей цѣпи. По этому: всѣмъ нижнимъ чинамъ почаще напоминать, что по уставу огонь въ цѣпи откывается не иначе, какъ по приказанію взводнаго командира.

«Кромѣ того принять за правило:

«1) Если взводный командиръ подастъ команду «одиночный огонь», то стрѣляютъ только тѣ, которымъ поименно командуетъ унтеръ-офицеръ или, за его отсутствіемъ, старшій въ звенѣ; прочимъ отнюдь не стрѣлать.

«Если взводный командиръ командуетъ «общій огонь», то стрѣляютъ всѣ люди звена, но опять не иначе, какъ по именному вызову старшаго въ звенѣ. Наконецъ, если взводный командиръ пожелаетъ открыть частый огонь, то предварительно долженъ указать число патроновъ, командуя на-примѣръ: «но три патрона, частый огонь». Всѣ начальники въ цѣпи обязаны слѣдить строго за тѣмъ, чтобы эта команда была исполнена буквально.

«2) Во время перебѣжекъ цѣпи людямъ при движеніи отнюдь не стрѣлать, иначе неизбежна пустая трата патроновъ. Въ подобномъ случаѣ топнуть огонь только при дѣйстви противъ кавалеріи.

«3) При наступленіи цѣпи звеньямъ, выбѣжавшимъ впередъ и занявшимъ позицію, открывать учащенный огонь, а при отступленіи такой огонь поддерживать звеньямъ, оставшимся еще на прежнихъ позиціяхъ.

«4) Цѣлью для огня выбирать: на большихъ разстояніяхъ или массы непріятельской пѣхоты, если онѣ видны, или же непріятельскую батарею. На близкихъ разстояніяхъ стрѣлать въ группы и, въ особенности, въ непріятельскихъ офицеровъ и вообще начальниковъ.

«5) Въ одиночныхъ нижнихъ чинахъ на разстояніяхъ, превышающихъ

300 шаговъ, или на рѣдкій дымокъ, лучше не стрѣлять, позволяя это развѣ лучшимъ стрѣлкамъ.

«6) Не переставать внушать людямъ, что безтолковая стрѣльба, какъ бы скоро она ни была, не принесетъ ни малѣйшей пользы. Къ тому же турки имѣютъ при себѣ не меньше патроновъ, а слѣдовательно нужно брать верхъ мѣткостью: одинъ мѣткій выстрѣлъ стоитъ больше тысячи пущенныхъ на вѣтеръ. Лучшимъ средствомъ противодѣйствовать этому будетъ самый неослабный надзоръ со стороны всѣхъ начальниковъ въ цѣпи за правильною установкою прицѣла и за тщательнымъ прицѣливаніемъ при каждомъ выстрѣлѣ.

«Примѣчаніе. Съ этими приемами слѣдуетъ знакомить людей, пользуясь всякимъ свободнымъ временемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ знакомить людей со всѣми случайностями стрѣльбоваго боя, напримѣръ, въ какомъ бы положеніи ни очутилась отдѣльная часть, звено, отдѣленіе и пр., оставшіяся безъ начальниковъ, то первую ихъ заботою должно быть найти старшаго и имѣть его за начальника и постараться примкнуть въ команду ближайшихъ офицеровъ, хотя бы чужой части. На случай отдѣльнаго положенія одиночныхъ людей, внушать имъ, что изъ этого положенія всегда найдется выходъ, лишь бы не падать духомъ. Лучшее что можно посоветовать въ такомъ случаѣ, это—думать не объ оборонѣ, а о смѣломъ нападеніи. Бывали примѣры, что въ подобныхъ случаяхъ смѣлое и рѣшительное «ура» спасало отъ вѣрной гибели.

«*Движеніе и дѣйствіе разсыпнаго строя.* Не выпускать часть изъ виду, какъ бы тяжело и опасно ни было ея положеніе—первый долгъ начальника. Понятно, что въ разсыпномъ строѣ это самая трудная задача, какая выпадаетъ въ бою начальнику.

«Достигнуть этого можно только рациональнымъ обученіемъ въ мирное время; теперь же предстоитъ проба, на сколько дѣльно было это обученіе.

«Особенно трудна эта задача при движеніи разсыпнаго строя подъ сильными и мѣткими огнемъ противника.

«Поэтому, начальникъ долженъ уметь быстро оцѣнивать мѣстность, вѣрно опредѣлять, какой способъ перебѣжки примѣнять въ данномъ случаѣ, выгоднѣе ли поднять всю цѣпь сразу, или сдѣлать это по участкамъ, не значать короткія или длинныя перебѣжки и т. д.

«Вообще говоря, при совершенно одинаковомъ характерѣ мѣстности и всему протяженію, выгоднѣе перебѣгать всюю цѣпью и притомъ на возможно большее разстояніе. Но если приведеннаго условія не существуетъ, то придется дѣлать перебѣжки по участкамъ. При этомъ нужно помнить указанія уставу начинать перебѣжку тѣмъ участкамъ, противъ которыхъ имѣются хорошия позиціи, или тѣмъ, у которыхъ прежнія позиціи неудобны; къ этому можно посоветовать, чтобы фланговыя звенья выбѣгали впередъ. При наступленіи цѣпи начальникъ долженъ непремѣнно пользоваться всякимъ удобнымъ закрытіемъ, достаточнаго протяженія, чтобы *собрать людей*.

это наилучшимъ образомъ позволить *держатъ цѣпь въ рукахъ*. При послѣдующемъ наступленіи люди снова разсыпаются, чтобы опять собраться за удобнымъ прикрытіемъ и т. д. При наступленіи цѣпи не слѣдуетъ топиться частымъ подыманіемъ стрѣлковъ. Это дозволяется на значительныхъ разстояніяхъ отъ непріятели, такъ какъ здѣсь движеніе съ такимъ примѣненіемъ въ мѣстности предпринимается лишь съ цѣлью уменьшить собственныя потери и не дать непріятелю вѣрно пристрѣляться къ цѣпи. На близкихъ же разстояніяхъ необходимо на каждой позиціи дать людямъ успокоиться, пристрѣляться и мѣткою стрѣлбою нанести существенный вредъ противнику; для чего уже потребуется достаточное время.

«Въ упражненіяхъ мирнаго времени это часто упускалось изъ виду.

«Относительно передвиженія резерва должно быть обращено еще большее вниманіе, ибо потери, которыя несетъ сомкнутая часть, гораздо значительнѣе.

«Нужно умѣть пользоваться наивыгоднѣйшимъ образомъ мѣстностью и примѣнять къ ней строй. Подъ близкимъ огнемъ и на открытой мѣстности резервы вести въ разомкнутомъ или даже въ рассыпномъ строю. Но понятно, что въ послѣднемъ случаѣ все должно быть дѣлаемо не иначе, какъ по командѣ, совершенно такъ, какъ въ сомкнутомъ строю. Затѣмъ, серьезный вопросъ для ротнаго командира—это расходованіе резерва. Что резервъ нуженъ барачъ—это само собою понятно, но, съ другой стороны, не слѣдуетъ впадать и въ крайность и чрезмѣрною бережливостію резерва не довести дѣла до того, что его придется уже употребить только для прикрытія отступленія.

«Все дѣло сводится въ тому, чтобы внимательно слѣдить, какой участокъ позиціи, по своей важности или по крайнему истощенію, нуждается въ освѣженіи. Нужно и то имѣть въ виду, чтобы въ сферу самаго близкаго ружейнаго огня (150—200 шаговъ) войти съ крайне густою цѣпью.

«Можно полагать, что если у ротнаго командира къ этому времени останется $\frac{1}{4}$ часть роты, то этого будетъ достаточно для поднятія всей цѣпи въ атаку.

Примѣчаніе. Само собою понятно, что при современномъ ружьѣ совершенно бесполезно пускать часть для атаки въ сомкнутомъ строю. Этотъ строй неумѣстенъ теперь въ боевой линіи (за исключеніемъ, разумѣется, внезапныхъ нападеній, ночныхъ стычекъ и т. п.).

«Если убылъ людей въ цѣпи потребуетъ преждевременнаго израсходованія резерва, то роты 2-й линіи принимаютъ на себя обязанность резервовъ и до минуты атаки должны усиливать цѣпь. Усиленіе цѣпи рекомендуется дѣлать, главнѣйшимъ образомъ, черезъ удлинненіе. Это даетъ и ту выгоду, что помогаетъ охватить непріятели. Въ самой атакѣ приступать тогда, когда, или огонь въ непріятельской цѣпи начинаетъ замѣтно сти-

хатъ, или когда участки цѣпи, назначенные для обхода противника, успѣютъ открыться его.

«Напоминается правило: атаку начинать съ разстояній 150—200 шаг. быстрымъ бѣгомъ, собираясь на бѣгу въ унтеръ-офицерамъ и офицерамъ; «ура» подавать на самомъ близкомъ разстояніи. Преслѣдованіе непріятеля производить учащеннымъ огнемъ изъ цѣпи. Въ лѣсахъ и селеніяхъ не останавливать атаки, пока не займется противоположная опушка или ограда. Овладевъ позицію, начальники частей должны себѣ поставить неотложною заботою привести часть въ порядокъ, сдѣлать ей расчетъ и пополнить, если можно, патроны. Не смотря на успѣхъ, это одна изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ въ бою, если только на помощь возбужденнаго состоянія солдатъ не явится спокойный и полный обладанія начальникъ.

«Дѣйствія при оборонѣ сводятся къ слѣдующему: сильное занятіе оборонительной линіи густою цѣпью. Особенно стучать цѣпь на выгодныхъ пунктахъ. Сосредоточивать подкрѣпленія цѣпи преимущественно за флангами для противодѣйствія обходамъ. Атаку останавливать учащеннымъ огнемъ, и если непріятель стойкъ и приблизится на очень близкое разстояніе, то цѣпь выскакиваетъ изъ-за закрытій и бросается въ штыки на встрѣчу атакующему. Предварительно цѣпь усиливается до крайняго предѣла и удлиняется для охвата непріятеля.

«По характеру мѣстности роль *кавалеріи* въ самомъ бою будетъ ограничена до крайности.

«Ея бдительности будетъ ввѣрено охраненіе фланговъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ она будетъ призвана къ производству атакъ.

«За то ей предстоитъ болѣе дѣятельное участіе при преслѣдованіи».

Изъ этого подробнаго извлеченія читатель можетъ видѣть, на сколько результаты пережитаго опыта согласовались или противорѣчили основнымъ положеніямъ «Инструкціи», долженствовавшей служить боевымъ напутствіемъ гвардіи.

Съ нетерпѣніемъ ожидали мы дня нашего отправленія изъ Петербурга. 13-го августа выступилъ штабъ гвардейскаго корпуса; большинство же офицеровъ его состава отправились по отдѣльнымъ предложеніямъ. 14-го августа, съ тяжелымъ чувствомъ личнаго горя, я бросился въ темный, непривѣтливый вагонъ Николаевской желѣзной дороги и незамѣтно оставилъ за собою «многорушную столицу».

Едва ли возможно въ точности на практикѣ указать предѣлы театра войны, или по крайней мѣрѣ ту сферу, за которой уже прекращаются *внѣшніе* признаки колоссальнаго явленія. Еще въ петербургскомъ вокзалѣ отряды сестеръ милосердія, съ дорожными сумками черезъ плечо, офицеры, послѣшающіе къ своимъ частямъ, команды и пр., всѣ эти предвѣстники войны, постепенно готовятъ къ будущей обстановкѣ и отрываютъ умъ и чувства отъ круга обычныхъ, мирныхъ иде-

и опущеній. Впрочемъ, до границы Херсонской и Бессарабской губерній военно-путевыя картины ограничивались лишь массами мчавшихся или ожидавшихъ поѣздовъ съ войсками, обозами, артилеріей и пр.; кое-гдѣ видѣлись биваки высадившихся временно войскъ.

Пѣсни, смѣхъ, говоръ всегда служатъ признакомъ встрѣчи съ войсками. Наша національная страсть къ пѣснѣ, то болѣзненно-унылой, то беззаветно-ухарской, особенно рѣзко проявляется въ войскахъ. Усталые, слученные въ вагонахъ, при палящихъ лучахъ солнца, въ духотѣ и пыли—солдатики наши хорошъ гудятъ свои любимыя пѣсни. Эта черта въ суровыхъ сынахъ сѣвера особенно поражаетъ иностранцевъ.

Въ Бессарабіи признаки войны постепенно становились равнообразнѣе и многочисленнѣе. Вотъ вблизи станціи видѣются большія, въ видѣ двускатной крыши, лаваретныя палатки; въ палаткахъ помѣщаются, на соломенной подстилкѣ, больные и раненые нижніе чины. Тишина здѣсь царить полная, не услышите ни стопа, ни крика, и только слушатели торопливо бѣгаютъ, переговариваясь между собою. Величина лаваретовъ весьма ограничена,—въ большинствѣ случаевъ я видѣлъ не болѣе 4-хъ, 5-ти палатокъ. Въ одной изъ палатокъ я насчиталъ 16 человекъ. При теплой погодѣ трудно придумать лучшее въ гигиеническомъ смыслѣ помѣщеніе для больныхъ; на зиму же строятся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бараки, видѣть которые мнѣ удалось только издали.

На Раздѣльной станціи Одесской желѣзной дороги я впервые увидѣлъ поѣздъ съ плѣнными турками. Поклонники Аллаха представляли самую разнообразную смѣсь: тутъ были и солдаты нивама и редифа, и баши-бузукы, и крестьяне; я замѣтилъ даже двухъ мальчиковъ. По наружному виду, солдаты регулярныхъ войскъ рѣзко отличались отъ свирѣпыхъ баши-бузуковъ. Первые одѣты въ обыкновенное форменное платье, послѣдніе же едва были прикрыты какими-то жалкими лохмотьями; почти ни на одномъ баши-бузукѣ я не замѣтилъ признаковъ бѣлыя, такъ что многія части тѣла были совершенно обнажены. Грязная, небольшая чалма, состоявшая просто изъ двухъ платковъ, довершала жалкій костюмъ этихъ варваровъ. Сидѣли всѣ они въ товарныхъ вагонахъ, поджавши подъ себя ноги, или спустивши ихъ въ открытыя двери. Вся эта масса людей мало обращала вниманія на столпившуюся публику, и многіе изъ нихъ, снявши куртки и оставаясь совершенно голыми, спокойно занимались охотой за насѣкомыми, роившимися въ отвратительныхъ лохмотьяхъ. Выраженіе лицъ у большинства не только дикое, но даже угрожающее, напоминающее звѣря, попавшаго въ западню. Что же касается регулярныхъ солдатъ, то они рѣзко отлича-

лись отъ своихъ, упомянутыхъ выше, товарищей по оружію. Это болѣею частью скромные, добродушные ребята, охотники поболтать, или, вѣрнѣе, пожестиковать съ публикою. Въ физическомъ отношеніи регулярные солдаты—рослый, крѣпкій и сильный народъ. Пѣнныхъ сопровождали наши конвойные, кажется по два человѣка на вагонъ, и относились къ своимъ кліентамъ со вниманіемъ и снисходительностью, видя въ нихъ «несчастныхъ». Каждый конвойный считалъ себя не столько стражемъ, сколько ходатаемъ и помощникомъ порученныхъ ему людей. Вообще, какая-то необычайная доброта и сожалѣніе замѣчались въ отношеніяхъ русскаго народа къ пѣннымъ. Мнѣ лично удалось наблюдать проявленіе этихъ чувствъ. Едва успѣлъ подойти воинскій полкъ, какъ наши артиллеристы повскакали изъ вагоновъ и, съ шуточнымъ привѣтствіемъ: «здорово, земляки», столпились подлѣ пѣнныхъ. Немедленно за смѣхъ, конечно, упреки, съ покачиваніемъ головы, «зачѣмъ, молъ, носы и уши рѣжете». Солдаты низама и редифа стали рѣшительно отъ этого отвязываться и сами указывали на баши-бузукъ, какъ на виновниковъ такихъ варварствъ. Тѣмъ не менѣе, достаточно было послѣднимъ показать жестами, что они желаютъ пить, какъ наши солдаты добродушно стали угощать ихъ арбузами, молокомъ, водой и пр.

Слѣдуетъ замѣтить, что далеко не такъ относились къ пѣннымъ люди, побывавшіе въ дѣлѣ и видѣвшіе собственными глазами всѣ варварства нашихъ враговъ. Въ Кишиневѣ раненые солдаты обратились съ настоятельной просьбой къ сестрамъ милосердія, прося удалять изъ ихъ палаты больныхъ и раненыхъ турокъ; они утверждали, что не могутъ видѣть равнодушно этихъ «злодѣевъ» и не ручаются за себя, если оставить ихъ вмѣстѣ съ пѣнными. Всѣ же ихъ желанія исключительно были устремлены на то, чтобы, поскорѣе выздоровѣвъ, въ бою отмстить врагамъ.

Въ Кишиневѣ и далѣе вы уже окончательно попадали въ военную сферу: офицеры, солдаты, солдаты и офицеры—и больше ничего; статскихъ шуртукъ почти совсѣмъ не было видно, только сестры милосердія (и тѣ въ форменныхъ костюмахъ) и семейства офицеровъ разнобразили незначительную картину.

Вообще, въ исторіи войны, русской женщинѣ будетъ отведена славная страница. Я слышалъ о нѣкоторыхъ семействахъ, гдѣ отецъ и сынъ отправились въ ряды сражающихся, а мать и дочь, или дочери—на помощь страждущимъ. Впрочемъ, русскія женщины выступили не только на этомъ, свойственномъ имъ, поприщѣ милосердія и любви къ

ближнему—нѣкоторые готовы были состязаться со врагомъ и въ брань погнѣ...

Черезъ часъ послѣ выѣзда изъ Унгенъ я очутился уже за предѣлами родины, въ Яссахъ. Меня не мало предупреждали о румынской дороговизнѣ, но кажется это было лишь результатомъ недоразумѣнія; виновнымъ оказывался нашъ курсъ, который, конечно, для насъ весьма былъ невыгоденъ. Тѣмъ не менѣе, даже въ вокзалѣ желѣзной дороги можно было, напримѣръ, скомбинировать сытный и приличный обѣдъ изъ трехъ блюдъ, который обходился въ одинъ бумажный рубль, или 62 металлическія копѣйки. Это ли страшная дороговизна?

Евреи, составляющіе большое мѣсто въ экономической жизни румынъ, наводняли весь путь движенія нашей арміи и, разумѣется, старались попользоваться положеніемъ дѣлъ. Обманъ и мошенничество, незачувствительные элементы ихъ услугъ, но причеиъ тутъ собственно румыны, презирающіе и ненавидящіе этихъ прирожденныхъ эксплуататоровъ?

По внѣшности намъ трудно было догадаться, что мы очутились уже за предѣлами Россіи; русскіе кондукторы, русская рѣчь, русская или говорящая по русски прислуга, массы войскъ, — все это воспроизводило родину. Въ самомъ городѣ Яссахъ, живописно раскинувшееся на высотахъ, мы освоились весьма скоро. Русская рѣчь понятна здѣсь очень много; а извозчиками (что особенно было для насъ важно) служить, преимущественно, скопцы, наши бывшіе соотечественники, переселившіеся сюда послѣ крымской кампаніи.

Естатн замѣтить, что они тяготятся новымъ своимъ отечествомъ, выплачивая огромные налоги. Провелитовъ же рѣшительно не могутъ приобрести. Молдаване никакъ не желаютъ вступать въ ряды этой изувѣрной секты. Пропаганда скопцамъ не воспрещена, и они свободно говорятъ о своихъ вѣрованіяхъ, съ гордостью называя себя «скопцами», тѣмъ болѣе, что пользуются общимъ уваженіемъ за свою честность, трудолюбіе и домовитость.

Въ Яссахъ намъ пришлось высадиться и расположиться на нѣкоторое время по квартирамъ у обывателей. Помѣщенія намъ были отведены у лучшихъ, богатѣйшихъ домовладѣльцевъ, большинство которыхъ принимало насъ съ величайшимъ радушіемъ, прося не стѣсняться, какъ у себя дома, и предоставляя въ наше распоряженіе лучшія комнаты, свои кухни, конюшни и пр. Собственно городъ, по внѣшности, представляетъ замѣчательную смѣсь превосходныхъ зданій и жалкихъ еврейскихъ лачугъ; асфальтовые мостовыя и рядомъ кукурузная пашня, въ самомъ центрѣ города, противъ магазина, освѣщеннаго газомъ. Экономическая дѣятельность города абсолютно въ рукахъ евреевъ.

Недѣльная наша жизнь въ городѣ, за отсутствіемъ серьезнаго дѣла и въ виду близости театра войны, была томительно скучной. Днемъ мы ходили дѣлать кое-какія «окончательныя» покупки, а по вечерамъ, *volens-potens*, попадали неизбежно въ румынскіе «дешидроны».

Мнѣ удалось посѣтить въ Яссахъ лазаретъ «Краснаго Бреста», устроенный въ баракахъ подлѣ станціи желѣзной дороги. Не смотря на то, что лазаретъ этотъ былъ набитъ больными и ранеными, чистота, порядокъ, благоустройство господствовали во всѣхъ его углахъ. Больные получали отличную пищу, уходъ за ними былъ самый тщательный и внимательный; сестры милосердія, по обыкновению, находились неотлучно при больныхъ; у многихъ изъ послѣднихъ на столикахъ лежали газеты, журналы и книжки для чтенія.

Здѣсь я встрѣтилъ товарища по мундиру, генеральнаго штаба подполковника Рынкевича, начальника штаба болгарскаго ополченія, который былъ раненъ пулей въ ногу на Шипкѣ. Бѣдный больной подвергся довольно настойчивому допросу и сообщилъ мнѣ немало интереснаго о топографіи Балкановъ (по его словамъ, можно было почти въ любомъ направленіи прочеркнуть на картѣ эту горную цѣпь, и пѣхота вездѣ прошла бы по отиѣченному такимъ образомъ пути); онъ также съ восторгомъ говорилъ о замѣчательномъ мужествѣ болгарскихъ дружинъ—этомъ зародышѣ вооруженныхъ силъ молодого государства.

Наконецъ я съ товарищемъ моимъ, генеральнаго штаба капитаномъ Энгельгардомъ и съ прочими чинами штаба, выѣхалъ изъ Яссъ въ Бухарестъ. Путешествіе наше не представляло особой прелести. Трудно себѣ представить болѣе жалкую желѣзную дорогу какъ румынская—одно изъ твореній Струсберга. Рельсы уложены весьма плохо, такъ что вагоны наклоняются стремительно то на одну, то на другую сторону; при быстромъ же ходѣ (что бываетъ рѣдко, такъ какъ поѣздъ ползетъ иногда со скоростью пяти верстъ въ часъ) такъ раскачиваетъ вагоны, что трудно усидѣть на мѣстѣ; говорятъ, больные и раненые иногда сваливались съ коекъ. Кромѣ того, всѣ станціи маленькія, грязныя; буфеты эксплуатировались евреями, и въ большинствѣ изъ нихъ трудно было достать что нибудь, кромѣ отвратительнаго пива и подозрительной колбасы.

По пути мы проѣзжали черезъ знаменитый Барбошскій мостъ, который турки такъ оплошно не взорвали въ началѣ войны, и лишились себя многихъ выгодъ. Отсюда, съ высоты, открывается великолѣпный видъ на окружающую мѣстность. Рѣка Сереть образуетъ множество живописныхъ излучинъ, на одной изъ которыхъ расположенъ самый мостъ на каменныхъ быкахъ съ желѣзными перилами; вдал

блѣтается узкой полосой Дунай, на турецкомъ берегу котораго чрезвычайно рѣзко выдѣляются Буджакскія горы, гдѣ происходилъ бой войскъ генерала Циммермана при переправѣ. Горы эти придаютъ особенный характеръ мѣстности, которая на огромномъ протяженіи представляется обширной равниной.

Второй осматрѣнный нами пунктъ былъ Браиловъ. Пользуясь полуторачасовой остановкой, мы отправились на батарею, съ которой былъ взорванъ броненосецъ «Люфти-Джелитъ». Батарея расположена въ виноградникѣ на самомъ берегу Дуная; въ одномъ изъ рукавовъ послѣдняго (въ Мачинскомъ) я вполне ясно рассмотрѣлъ въ бинокль затопленный броненосецъ, который, вслѣдствіе спада воды, обнажился тогда до половины; выкрашенный бѣлой краской, онъ одиноко стоялъ посреди рѣки, заключивъ въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ болѣе 150 жертвъ. Видѣли мы тутъ же мостъ, построенный для сообщенія черезъ Дунай.

Продолжая свое путешествіе, мы 29-го августа прибыли въ Бухарестъ, столицу Румыніи. Конечно, Бухарестъ не Петербургъ и даже не Одесса; тѣмъ не менѣе, центръ города застроенъ очень хорошо и щеголяетъ магазинами.

Въ Бухарестѣ я встрѣтилъ генеральнаго штаба полковника Нагловстаго, бывшаго начальника штаба отряда генераль-адъютанта Гурко въ 1-мъ забалканскомъ походѣ. Д. С. Нагловскій, тогда больной болгарской лихорадкой, лечился въ Бухарестѣ. При отличномъ знаніи взаимнаго положенія обѣихъ воюющихъ сторонъ, онъ много сдѣлалъ мнѣ разъясненій въ этомъ смыслѣ; между прочимъ, я тутъ уже замѣтилъ, что, въ противоположность петербургскимъ взглядамъ, среди офицеровъ дѣйствующей арміи существовало твердое, непоколебимое убѣжденіе въ окончательномъ успѣхѣ нашего дѣла. Сознаніе нравственнаго превосходства надъ противникомъ, не смотря на временныя неудачи, было такъ велико и прочно, что уже это одно обстоятельство могло служить ручательствомъ благополучнаго исхода войны. Наше стратегическое положеніе, въ виду подошедшихъ подкрѣпленій, признавалось блестящимъ, не смотря на разброску силъ въ нѣкоторыхъ отрядахъ; но всѣ сознавали необходимость умножить дѣйствующія войска. Для этого нужно было лишь не торопиться, не бросаться въ кровавыя, сомнительныя предпріятія, а спокойно выждать подошедшія вновь мобилизованныя части.

Въ Бухарестѣ мы пробыли только одинъ день. Выѣхавъ 30-го утромъ, мы часа черезъ четыре достигли Фратешти. Эта маленькая грязная станція была набита самымъ разнообразнымъ военнымъ людомъ; тутъ закусывали офицеры, чиновники, солдаты и казаки разныхъ полковъ, а впрямьжку съ ними сновали евреи, предлагая фуфайки,

носки и т. п. У самой станціи, подъ навѣсомъ изъ рогожъ, пріютился трактирчикъ, который содержала толстая, грязная, но добродушная, хлопавшая всѣхъ по плечу нѣма.

Съ горы, на которой мы расположились бивакомъ, виднѣлись Журжево и Рушукъ—последній, со множествомъ высокихъ минаретовъ. Въ бинокль я отлично различалъ турецкій лагерь въ Рушукѣ. Говорили, впрочемъ, что большая часть палатокъ были пусты, и турки не снимали ихъ, чтобы обмануть насъ относительно численности рушукскаго гарнизона. Къ вечеру мы услышали громъ орудій; то перестрѣливались наши журжевскія батареи съ рушукскими.

Бивакъ нашъ былъ самъ по себѣ не дурень; помѣщались мы въ небольшихъ двускатныхъ палаткахъ, въ которыхъ можно втиснуть кровать, нѣсколько укрыться отъ солнца, но не отъ дождя, такъ какъ онѣ протекають.

На другой день мы выступили, вслѣдъ за гвардейскими стрѣлками, въ д. Путиноу, гдѣ и ночевали. Путь нашъ лежалъ по однообразной мѣстности, покрытой обширными кукурузными полями и состоявшей изъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ холмовъ и долинъ. Встрѣчавшіяся по пути деревни утопали въ зелени, откуда довольно чисто выглядывали мазанки валаховъ. Крестьяне здѣсь ходять въ мѣховыхъ или войлочныхъ съ полями шляпахъ, въ бѣлыхъ холстиновыхъ штанахъ и такой же рубахѣ, длинной какъ у женщинъ. Рубахи подпоясываются кожанымъ съ побрянушками или цвѣтнымъ шерстянымъ поясомъ. Костюмъ женщинъ состоитъ изъ такой же рубашки, шерстяной юбки и бѣлаго платка, граціозно надѣтаго и закрывающаго часть лица. Особенность мѣстнаго кодорита составляютъ еще буйволы, которые служатъ перевозочнымъ средствомъ, какъ и волю. Черные, почти безъ шерсти, съ низко опущенными шеями и пригнутыми назадъ рогами, они очень забавляли своимъ оригинальнымъ видомъ нашихъ солдатъ, особенно, когда вволю наваявшись въ болотѣ, грязные, они медленно выступали, побрякивая цѣпью и лѣнливо мыча густымъ басомъ. Для меня, знающаго Бессарабію, все это не было новостью, та же природа, тѣ же люди.

На другой день мы выступили изъ Фратешти при палящихъ лучахъ солнца. Вообще, жары были сильныя. Пыль по дорогѣ стояла столбомъ, и достаточно было малѣйшаго вѣтерка, чтобы поднять цѣлыя тучи ея. Какъ это ни неприятно, но я, знакомый уже съ походной жизнью, еще сильнѣе опасался, чтобы намъ не испытать дождя, а то мы наплакались бы вволю со своимъ обозомъ при тамошнихъ черноземныхъ дорогахъ. По пути мы встрѣчали огромнѣйшія вереницы повозокъ воло-

вьюкъ, конскихъ, буйволодыхъ, съ больными и ранеными. Солдаты сидѣли въ нихъ по пяти—шести—семи человѣкъ, офицеры человѣка по два. Пвозка—обыкновенная длинная арба, плохо смазанная, такъ что невыносимо скрипитъ всю дорогу. Тутъ больные разныхъ полковъ и командъ, раненые (могущіе выдержать перевозку) въ разныхъ дѣлахъ. Раненые встрѣчались преимущественно Брянскаго полка, который сильно пострадалъ на Шипкѣ.

Переходъ нашъ въ с. Бригадиръ вышелъ довольно великъ, 35 верстъ при изнурительномъ зноѣ.

Дальнѣйшее наше движеніе до Зимницы не отличалось ничѣмъ отъ предыдущихъ переходовъ: та же удушливая жара, та же безлѣсная мѣстность, вереницы повозокъ съ больными и ранеными и т. п.

Впрочемъ, близость театра войны давала себя чувствовать постепенно учащавшимися признаками разнообразнаго характера: чаще стали попадаться курьеры, спѣшившіе куда-то офицеры; по пути стали встрѣчаться обглоданные остовы лошадей и быковъ.

Зимница, при блестящемъ солнцѣ, открылась намъ верстъ за семь и казалась утопавшей въ зелени деревенькой; на другомъ возвышенномъ берегу Дуная, на уступѣ возвышенности, мы увидѣли Систово. Съ приближеніемъ къ Зимницѣ картина часто совершенно пропадала, такъ какъ, при малѣйшемъ колебаніи воздуха, подымалась туча пыли, въ которой все безслѣдно утонало. Недалеко отъ мѣстечка мы встрѣтили раненаго офицера. На вопросъ, что дѣлается подѣ Плевной (мы знали о происходившемъ тамъ боѣ), онъ намъ категорически отвѣтилъ, что она взята. Не смотря на опредѣлительность отвѣта, мы выразили сомнѣніе въ справедливости извѣстія. Раненый удивился нашему недовѣрью и вторично подтвердилъ свои слова, указавъ, между прочимъ, что онъ самъ же раненъ въ этомъ дѣлѣ. Дальнѣйшимъ сомнѣніямъ, повидимому, не было мѣста, а между тѣмъ, очень скоро мы узнали въ Зимницѣ, что Плевна не была взята...

Вѣроятно, овладѣніе Гривницимъ редутомъ или укрѣпленіями, находившимися противъ Скобелева, раненый счелъ за окончательный актъ паденія Плевны. Это послужило для насъ урокомъ, съ какой осторожностью нужно относиться къ тыльнымъ слухамъ.

Наконецъ, мы въѣхали въ непостижимо пыльные улицы Зимницы. Здѣсь всѣ наши надежды рушились: вмѣсто чистенькаго городка мы нашли грязную деревню, въ которой почти ничего нельзя было достать. Усталые, голодные, мы, посреди грязи и сора, отважились отправиться на поиски для утоленія голода. Послѣ долгихъ странствованій, мы успѣли подѣ какимъ-то жалкимъ навѣсомъ, сравнительно съ которымъ

лавочки на Сѣнной площади могутъ быть названы ресторанами, и принуждены были засорить свои желудки окаменѣлой говядиной и будто бы борщемъ.

Зимница представляла чрезвычайно оживленный видъ; тутъ можно было найти и разныя военныя учрежденія, какъ: комендантство, госпитали и т. п. и массы проходившихъ въ ту и въ другую сторону войскъ, и спекуляторовъ всевозможнаго рода, старавшихся сбыть залежавшуюся дрянь по выгоднымъ цѣнамъ, и прѣхавшихъ изъ-за Дуная офицеровъ, чтобы запастись чѣмъ нибудь «для позяціи»: купить съѣстнаго, починить платье и т. п.; все это кишѣло, суетилось, бѣгало.

На другой день мы двинулись за Дунай. Движеніе происходило сперва по равнинѣ, которая совершенно затопляется во время разливовъ. Пыльная дорога съ телеграфными столбами, масса обозовъ, запряженныхъ волами и буйволами и, наконецъ, общее движеніе пѣшаго люда указывали намъ путь къ мосту.

Собственно черезъ Дунай существовали двѣ системы мостовъ: одна для движенія съ лѣваго берега на правый, а другая для обратнаго. Каждая система, въ свою очередь, состояла изъ двухъ или трехъ мостовъ. Сперва мы проѣхали самый небольшой мостикъ, съ берега на островъ, потомъ самый большой мостъ и, наконецъ, третій, нѣсколько меньшаго размѣра. Всѣ мосты устроены были такъ, что по нимъ можно было двигаться только въ одну повозку четырехконной упряжи; кромѣ того, имѣлись обочины для пѣшеходовъ; перилы на мостахъ веревочныя. Мосты укрѣплены были огромными якорями и устроены: маленькіе на судахъ, а большіе на плотахъ изъ огромныхъ бревенъ. У каждаго моста стояли саперы, которые регулировали движеніе и могли его ежеминутно остановить, опустивши шлагбаумы. Тамъ же на островѣ расположенъ былъ саперный баталіонъ, какъ для охраны, такъ и для исправленія мостовъ.

Выѣхавъ на противоположную сторону, мы очутились лѣвѣе Систова, занятаго съ боя при переправѣ нашихъ войскъ. Это—городъ чисто въ турецкомъ вкусѣ, съ узкими улицами, жалкими лачугами, пылью и грязью.

Берега Дуная въ этомъ пунктѣ совершенно отвѣсны, такъ что войска наши не могли тутъ высадиться при переправѣ, а должны были спуститься ниже на версту, гдѣ рѣзко обозначается долина, отлого спускающаяся къ Дунаю. Непосредственно за берегомъ мы поднялись на довольно значительныя высоты и потянулись по шоссе къ д. Царевницѣ, гдѣ намъ назначенъ былъ ночлеги. Тамъ мы расположились на бивакѣ въѣзть съ гвардейскими стрѣлками, у фонтана съ отличною водою и

ручейка, зараженнаго падалью. Царевница была первой для насъ болгарскою деревней, и я описавъ ее, представлю общій ихъ характеръ. Улицы въ деревняхъ неправильны и извиаются какъ въ малороссійскихъ; дома расположены разбросано и весь дворъ, съ непрѣмнымъ садикомъ, окованъ ровомъ съ валикомъ. Зданія выстроены изъ кирпичей, состоящихъ изъ глины съ соломой, крыши же большею частію соломенные. Замѣчательность крестьянъ выражается лишь въ изобиліи хлѣба; собственно же костюмъ ихъ, большею частью, лохмотья; избы весьма небольшія и раздѣляются на двѣ части: въ одной ссыпается хлѣбъ, а въ другой спитъ въ свалку вся семья. Наружный видъ у болгаръ забитый; видно, что долго тяжелая рука сгибала ихъ спины. При встрѣчѣ съ нами, они или снимали шапку, или прикладывались къ ней рукой, говоря «здравствуйте». Вопреки рассказамъ, ни они насъ, ни мы ихъ понимать почти совершенно не могли. Даже въ Румыніи въ этомъ отношеніи намъ легче было, такъ какъ черезъ евреевъ, при самомъ даже слабomъ знаніи нѣмецкаго языка, мы могли объясняться.

Въ Царевницѣ мы получили приказаніе двигаться къ с. Мидхатъ-пашѣ, что подлѣ Горняго-Студеня. Переходъ вышежъ около 25 верстъ, но двигались мы часовъ восемь, такъ какъ мѣстность была сильно гористая, ровныхъ пространствъ почти совсѣмъ не попадалось и мы то спускались съ одной высоты, то поднимались на другую; по сторонамъ, сколько глазъ могъ захватить, не видно было кустика, поля полузапущены, и оставшаяся необранной трава совершенно засохла и выжжена солнцемъ; селенія попадались рѣдко, да и тѣ скрывались въ долинахъ; словомъ, страна производила, не смотря на природное богатство почвы, самое грустное, унылое впечатлѣніе. Съ высоты, на полупереходѣ, нашему взору представились вдругъ, сливаясь съ облаками, верстахъ можетъ быть въ 80—100, громадныя массы Балкановъ. Картина нѣсколько оживилась, и мы достали бинокли.

Балканы обрисовывались въ видѣ отдѣльныхъ громадныхъ высотъ, связанныхъ между собою хребтами. Ближе къ нимъ виднѣлись предгорья, гораздо меньшаго подъема. Пройдя нѣсколько верстъ, мы увидѣли, наконецъ, на склонѣ высоты Горній Студень. Масса палатокъ, людей, лошадей, повозокъ — превратили деревушку въ обширный станъ. У Студеня мы свернули влѣво и направились въ с. Мидхатъ-паша, гдѣ и расположились бивакомъ. Эта небольшая деревушка была совершенно разрушена, такъ какъ население ея составляли черкесы, съ уходомъ которыхъ болгары достаточно потѣшились.

Мы расположились въ опустѣлой деревенькѣ и каждый пристроился гдѣ нибудь въ полуразрушенной избѣ безъ оконъ и дверей. Скоро чины на-

шего штаба начали собираться. Графъ Воронцовъ-Дашковъ, уѣзавшій изъ Петербурга прямо въ отрядъ къ Наслѣднику Цесаревичу, тоже прибылъ въ с. Мидхатъ-пашу. Относительноже вступленія въ командованіе корпусомъ Наслѣдника Цесаревича долго ничего положительнаго не было известно. Сначала былъ напечатанъ даже приказъ, что Его Высочество принимаетъ начальствованіе надъ гвардіей, потому это было отжѣнено. Впослѣдствіи мы узнали, что графъ Воронцовъ-Дашковъ, оставаясь начальникомъ штаба, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ поставленъ во главѣ нашего корпуса.

Вскорѣ прибылъ въ с. Мидхатъ-пашу санитарный отрядъ Цесаревна общества «Краснаго Креста». Прибытіе новыхъ частей было намъ особенно пріятно: тамъ мы встрѣтили образованныхъ, предупредительныхъ и любезныхъ врачей — Гаусмана, Гена, Янговскаго и уполномоченнаго общества г. Петлина, съ которыми часто приходилось намъ встрѣчаться и которые не разъ выручали насъ изъ бѣды; начиная отъ свѣчей и галетъ и кончая теплыми шапками — всѣмъ снабжали насъ по мѣрѣ возможности, этотъ превосходный отрядъ. Въ дикихъ предгорьяхъ Балкановъ, куда часто не могъ слѣдовать за нами казенныи обозъ, простыя легионіи повозочки отряда проворно пробирались и быстро опорожнивались всѣми алчущими и жаждущими.

На другой день по прибытіи въ с. Мидхатъ-пашу мы отправились являться въ полевой штабъ, въ главную квартиру.

Главнoкомандующій принялъ насъ у своей юрты, сидя верхомъ на лошади. «Здравствуйте, здравствуйте, замѣтилъ Его Высочество — все знакомые; что здоровы?» Затѣмъ мы представились генераль-адъютанту Непокойничкову и генералу Левицкому.

Послѣдовало много встрѣчъ съ знакомыми и товарищами. Нѣкоторые изъ нихъ были изнурены лихорадкою и собирались въ Румынію лечиться. Тутъ же мы замѣтили нѣкоторыхъ офицеровъ, бывшихъ изъ отрядовъ. Ихъ легко было отличить по ободранному костюму, по небритымъ и загорѣлымъ лицамъ. Насѣкомыя не давали имъ покою.

Въ с. Мидхатъ-пашѣ, проѣздомъ къ войскамъ, насъ посѣтилъ Государь Императоръ, сопровождаемый всеннымъ министромъ и лейбъ-медикомъ Боткинскимъ. Его Величество тоже страдалъ отъ лихорадки и кровопальто имѣлъ на себѣ, не смотря на теплую погоду, шинель.

По мѣрѣ прибытія частей гвардіи, Государь Императоръ производилъ смотръ у Горняго-Студеня.

II.

Эпизоды изъ боевой жизни офицера генеральнаго штаба. Рекогносцировки и странствованія. Движеніе гвардіи къ югу отъ Плевны.

Поездка подъ Плевну.—Рекогносцировочная партія.—На бивахѣ въ кавалерійскомъ авангардѣ генерала Черновубова.—Боевое крещеніе.—Движеніе гвардіи къ югу отъ Плевны.—Эски и Иени Бркакч.—Рекогносцировка по направленію къ Довчѣ.—Пріѣздъ генералъ-адъютанта Гурко и назначеніе его начальникомъ отряда.

Не скоро опредѣлилось наше положеніе на театрѣ войны. Сначала переговаривали, будто бы гвардейскій корпусъ будетъ разбитъ на три части: одна дивизія отправится въ Рушукскій отрядъ, другая на Шишку, третья подъ Плевну. Потомъ явились еще болѣе странныя комбинаціи, сочетанія и переможенія, бывшія преимущественно результатомъ досужаго воображенія. Мы нетерпѣливо ожидали сосредоточенія корпуса, надеясь, что вскорѣ затѣмъ опредѣлится предстоящая намъ роль. Менѣе всего, конечно, мы желали раздробленія корпуса—тогда ему, вѣроятно, не пришлось бы сыграть видной роли и принести рѣшительные результаты.

Пользуясь досугомъ, я согласился на предложеніе товарища моего, подполковника барона Бриденера, съѣздить подъ Плевну, гдѣ отецъ его стоялъ со своимъ корпусомъ (9 мѣ) на позиціи. Мы запрягли въ тележку обозныхъ лошадей и выѣхали въ дальній (верстъ 60) путь.

Характеръ мѣстности на всемъ пути былъ почти одинъ и тотъ же: попережѣнно сѣбяющіяся высоты и долины, кое-гдѣ одинокія деревца, обширные виноградники, кукурузныя поля и неубранныя сѣнокосы. Населеніе рѣдкое, въ родѣ нашей Херсонской губерніи, но крестьяне зажиточные, на сколько можно судить по обширнымъ хлѣбнымъ запасамъ и многочисленнымъ стадамъ. Съ лѣвой стороны пути, въ значительномъ отдаленіи, почти все время сопровождала насъ могучая Балканская горная цѣпь, вершинами своими упирающаяся въ облака. Только у береговъ р. Осмы характеръ мѣстности видоизмѣнился. Теченіе рѣки рѣзко опредѣлялось свѣтло-глинистымъ, командующимъ, крутымъ правымъ берегомъ и нерѣдко низменнымъ лѣвымъ.

Еще съ половины пути мы слышали громъ нашихъ орудій, стрѣлявшихъ ежедневно подъ Плевною; по дорогѣ начали попадаться огромныя транспорты троечной запряжки, отправлявшіеся съ хлѣбомъ на позицію; гниющіе трупы павшихъ животныхъ постоянно поражали обоня-

ніе, въ одноѣмъ же мѣстѣ мы съ телѣги въ одну минуту насчитали 16 павшихъ и гнившихъ быковъ; проѣхать это зловоніе можно было только герметически закупоривъ носъ и ротъ.

Между тѣмъ, голодъ насъ морилъ, да и лошадей пора было накормить. У с. Барагача мы замѣтили обозъ 9-го корпуса, причѣмъ намъ сказали, что тамъ есть маркитантъ, у котораго можно закутить. Долго мы странствовали среди повозокъ и лошадей, пока добились толку и, наконецъ, увидѣли повозку, облѣпленную мухами, и при ней двухъ евреевъ. Они намъ стали быстро рапортовать о богатствѣ своихъ запасовъ; тутъ была скверная колбаса, засохшій сыръ, отвратительное пиво и пр. Цѣны такія: бутылка пива 3 металлическихъ франка, т. е. 1 р. 20 к., фунтъ колбасы 5 фр., т. е. 2 р. и т. п. Къ намъ подошли два офицера, пѣхотный майоръ и казачій поручикъ; они любезно угостили насъ чаемъ и дали казака провести насъ на позицію. Проѣхавъ верстъ 10, мы уже замѣтили огоньки, мелькавшіе на огромномъ протяженіи, а пушечная пальба сдѣлалась совершенно отчетливой; затѣмъ мы очутились въ самомъ тылу позиціи, миновали госпиталь, помѣщавшійся въ палаткахъ, потомъ какую-то батарею, пѣхотныя войска, укрывавшіяся въ лощинѣ и пр. Повсюду слышенъ былъ шумъ, говоръ, легкая перебранка. Казакъ указалъ намъ ставку корпуснаго командира вдали на высотѣ. Здѣсь дорога исчезла, и мы побрели пѣшкомъ. Минуть черезъ 10 мы очутились у цѣли нашего странствованія. Штабъ 9-го корпуса располагался въ палаткахъ и помѣщеніе корпуснаго командира отличалось только своей обширностью, состоя изъ двухъ палатокъ, соединенныхъ въ одну. Кромѣ кровати въ палаткѣ находились столъ, нѣсколько табуретовъ и скамья. Престарѣлый генералъ, разумѣется встрѣтилъ радушно спутника своего сына. Тутъ же находился начальникъ корпуснаго штаба, полицовникъ Ливинскій, герой Шипки, бывшій командиръ Брянскаго полка. Послѣ продолжительной ѣзды и бесѣды далеко за полночь пора было успокоиться, и намъ обильно наложили сѣна на полу палатки. Къ утру я весь былъ промоченъ дождемъ, котораго не почувствовалъ во время сна.

Утромъ, къ несчастію, мы должны были потерять надежду осматрѣть позицію, небо заволокло, сталъ накрапывать дождь, поднялся туманъ, и мы уже подумывали о томъ, чтобы остаться здѣсь лишній день. Но часовъ около 3-хъ пополудни небо немного развяснилось мы отправились на осадную нашу батарею, чтобы хотя что нибудь посмотреть.

Батарея была вооружена восемью осадными 24-хъ фунтовыми мѣдными орудіями, стоявшими на платформахъ; по бокамъ орудій сдѣланы

были земляныя насыпи—траверсы, для прикрытія отъ фланговаго огня. Подъ брустверомъ вырыты погребки для снарядовъ и пороха, и помѣщеніе для офицеровъ, на самой батарее солдатики повырывали себѣ землянки, прикрытыя вѣтвями и землей.

Въ намѣ подошли два артилерійскихъ офицера, по одеждѣ которыхъ можно было заключить, что они старые обитатели позицій. Мы разговорились и спросили, скоро ли будетъ стрѣльба; посмотрѣвши на часы, поручикъ объявилъ, что уже пора стрѣлять. Солдатики оживились и приготовились послать гостинца въ громаднѣйшій турецкій редутъ, гдѣ, повидимому, царствовала мертвая тишина, и только часовой турокъ бродилъ по своему посту.

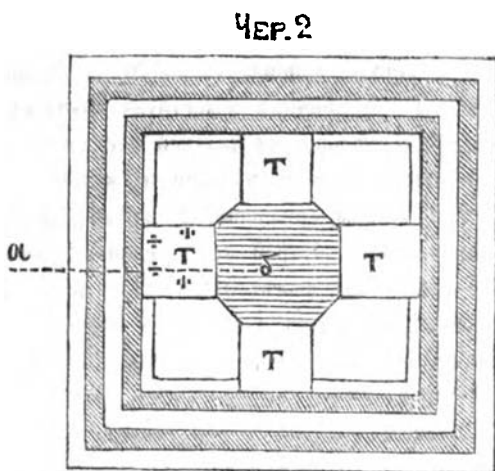
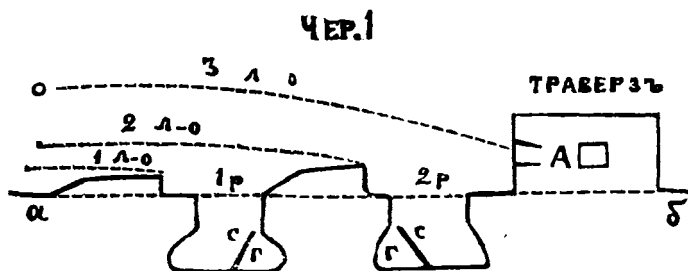
«Первое!»—раздался оглушительный звукъ, и снарядъ, свистя, повеся далеко впередъ; затѣмъ, трескъ разрыва и столбъ вырытой земли показали мѣсто паденія снаряда въ тылу турецкаго редута; послѣдовательно при насъ выпущено было шесть снарядовъ, изъ которыхъ одинъ, особенно удачный, попалъ прямо въ траверсъ редута, что мы отлично видѣли въ бинокль. Турки не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ и вообще они молчали при всѣхъ канонадахъ нашихъ осадныхъ орудій, какъ говорили, будто бы, по причинѣ недостатка снарядовъ, а можетъ быть и по безопасности стрѣльбы на дальней дистанціи изъ полевыхъ орудій. Впрочемъ, и они иной разъ пускали нѣсколько гранатъ и потомъ замолкали. Послѣ пальбы артилеристы пригласили насъ въ свою сырую тѣсную землянку, полъ которой былъ покрытъ соломой, а входъ завѣшенъ циновкой. Вскорѣ мы выгѣзли на свѣтъ и развѣлись на снарядахъ; сюда же проворный солдатъ подалъ самоваръ, а любезные хозяева велѣли прибавить коньяку, и мы оживленно стали бесѣдовать за импровизованнымъ пуншемъ.

Теперь я скажу нѣсколько словъ о *турецкихъ позиціяхъ*, которыя я успѣлъ осмотрѣть съ батареи и о которыхъ собралъ тогда кое-какія свѣдѣнія.

Начальникъ корпуснаго штаба любезно зачертилъ въ мою записную книжку профиль и планъ большаго турецкаго редута, къ которому, въ одну изъ рекогносцировокъ, онъ случайно подобрался довольно близко.

Какъ извѣстно, высоты, окружающія Плевно, заняты были турецкими редутами и укрѣпленными лагерями. Редуты эти поражали какъ своей величиной, такъ и силой. Я несомнѣтельно изумленъ былъ огромными размѣрами укрѣпленій, которыя можно назвать просто крѣпостными фортами. Что же касается ихъ устройства, то оно во всѣхъ от-

ношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. Прилагаемые чертежи могутъ отчасти пояснить устройство редута (*).

(*). *Поясненіе къ чертежамъ.* На первомъ чертежѣ показанъ поперекъ по линіи А-Д большаго турецкаго редута. Въ траверзѣ показаны фронтальная и боковая амбразуры (А); рвы обозначены: 1 р. и 2 р.; въ рвахъ показаны укрытія для стрѣлковъ: г—галереи и с—блиндажныя стѣнки; линіи огня изъ траверза и съ насыпей обозначены: 1 л о. (1-я линія огня) и т. д.

2-й чертежъ представляетъ примѣрный планъ большаго редута, причѣмъ рвы затушеваны; буивами Т обозначены траверсы въ которыхъ помѣщаются орудія. Середина между траверсами заблидирована.

Считаю необходимымъ оговориться, что прилагаемый чертежъ оказался не вполне вѣрнымъ дѣйствительности, какъ обнаружилось впоследствии, послѣ паденія Плевны (1). Замѣчаніе это касается особенно траверзовъ. Въ большихъ редутахъ траверсъ имѣлъ крестообразную форму (двѣ взаимноперпендикулярныя насыпи на всемъ протяженіи внутреннего пространства) и служилъ какъ для прикрытія людей, такъ и для *скрытія* орудій. Для пальбы послѣднія выдвигались изъ-за траверзовъ на барбеты. Прочія части редута въ общихъ чертахъ сходны съ показанными на моемъ чертежѣ. Не смотря на нѣкоторую невѣрность чертежа, я оставляю его такъ, какъ онъ былъ зачерченъ на позиціи, согласно произведеннымъ рекогносцировкамъ, ибо весьма важно знать не только настоящее устройство укрѣпленій, но и *какъ атакующій представлялъ его себѣ*.

Когда все спокойно, турки сидятъ въ первомъ и во второмъ рвахъ, въ галереяхъ, прикрытыхъ къ сторонѣ рва стѣнками; здѣсь они ѣдятъ, пьютъ, отдыхаютъ. По сигналу часоваго, они выскакиваютъ на брустверъ и стрѣляютъ, какъ показано черными точками. За брустверами, внутри укрѣпленія, находятся огромные траверсы (чертежъ второй, четыре квадратива), внутри которыхъ помѣщаются четыре орудія, изъ нихъ оба могутъ стрѣлять въ амбразуры, какъ показано въ видѣ оконца на первомъ чертежѣ. Это даетъ третью линію огня; затѣмъ, все пространство внутри редута между траверсами блиндировано и служитъ убѣжищемъ для гарнизона, для котораго еще устроиваются по бокамъ и впереди редута траншеи.

Турки открываютъ ружейный огонь съ 2,000 шаговъ и осыпаютъ впереди лежащую мѣстность такой массой пуль, что, по рассказамъ очевидцевъ, безъ личнаго опыта невозможно себѣ составить понятія. Къ тому же редуты такъ искусно расположены, что даютъ взаимный обстрѣлъ. Офицеръ, участвовавшій во взятіи редута 30-го августа, говорилъ мнѣ, что всѣ ужасы, вынесенные при атакѣ, ничто сравнительно съ тѣмъ, что имъ пришлось испытать по занятіи самаго редута.... «Войска столпились на тѣсномъ пространствѣ—говорилъ доблестный воинъ, у котораго лопнула въ ухѣ барабанная перепонка отъ разорвавшейся близко гранаты—а турки открыли между тѣмъ изъ слѣдующаго редута убійственный артилерійскій огонь. Одна граната выбила сразу 12 человекъ. Это былъ настоящій фонтанъ изъ мозговъ и кишочекъ, которыя хлестали по лицу, забрызгивали всего съ головы до ногъ. Такое адское положеніе совершенно разстраивало нервы и затем-

(1) См. «Военный Сборникъ» 1878 г. № 5 и брошюру генерала Шредера: «Das verschanzte Lager von Plewna». Berlin 1878.

няло сознание. Хочешь командовать: «на право,» а говоришь: «на лѣво,» ходишь по костямъ и крови, а этого не замѣчаешь. Когда огонь нѣсколько стихъ, люди отъ усталости попадали какъ снопы и заснули среди этого ужаса. Вдругъ ночью раздаются рѣзкіе крики: «алла!» «алла!» турки бросились въ атаку, надѣясь вырвать обратно взятый у нихъ Гривицкій редутъ. Мы вскочили и открыли въ темнотѣ огонь, кто гдѣ стоялъ. Нѣсколько смѣльчаковъ турокъ, добравшихся до редута, были приняты на штыки—и атака отбита».

Во время нашего пребыванія подъ Плевной распространился слухъ, будто Сулейманъ, съ отрядомъ въ 40,000 человекъ, движется по направленію отъ Софіи къ сѣверу Плевны. Не смотря на неправдоподобность слуха, мы все-таки рѣшились взять къ себѣ, въ виду возможности передвиженія нашего корпуса. Впослѣдствіи, разумѣется, оказалось, что слухъ былъ совершенно невѣрнъ. На обратномъ пути, руководствуясь картою Каница и выбирая прямой путь, мы дали кругъ и попали въ д. Льежанъ. Въ окрестностяхъ послѣдней находилось нѣсколько турецкихъ деревень, жители которыхъ, слѣдуя, кажется, благоразумнымъ увѣщаніямъ муалы, не бѣжали передъ русскими войсками и впослѣдствіи не имѣли причины раскаиваться въ такомъ рѣшеніи.

На берегу Осмы мы остановились приваломъ, чтобы покормить лошадей. Къ намъ подошли молодые парни-турки и болгары и вели съ нами добродушную бесѣду. Удивлялись нашимъ биноклямъ, револьверамъ, ощупывали аксельбанты и т. п. Одинъ болгаринъ гордился своимъ умѣньемъ писать по-русски и съ удовольствіемъ написалъ въ моеи книжкѣ свое имя: «Петро».

Поздно ночью мы вернулись въ с. Мидхатъ-пашу, гдѣ все было спокойно. Гвардія продолжала сосредоточиваться.

Слухъ о прибытіи къ корпусу Наслѣдника Цесаревича снова распространился и мы даже ѣздили выбирать бивакъ для Его Высочества: вблизи отъ Горнаго-Студеня.

Въ часы досуга много говорили о пріѣздѣ въ главную квартиру генералъ-адъютанта Тотлебена, объ отъѣздѣ его, виѣстѣ съ Главнокомандующимъ, подъ Плевну на рекогносцировку и о назначеніи его помощникомъ принца Барла Румынскаго по командованію войсками, собранными подъ Плевной.

Погода послѣ дождей сдѣлалась теплой, но ночи были весьма холодныя. Нѣкоторые изъ нашего штаба, какъ офицеры, такъ и нижніе чины, уже успѣли заболѣть лихорадками и дисентеріей.

20-го сентября ночью была получена депеша отъ генералъ-адъютанта Непокойчицкаго, который требовалъ назначенія нѣсколькихъ офицеровъ

нашего штаба для рекогносцировокъ къ Плевнѣ. Въ полевомъ штабѣ образована была особая рекогносцировочная партія изъ топографовъ, назначенныхъ собственно для производства съемочныхъ работъ вокругъ Плевны, и офицеровъ генеральнаго штаба — для наблюденія за этими работами въ тактическомъ отношеніи. Начальникомъ партіи назначенъ былъ генеральнаго штаба полковникъ Фрезе, а изъ офицеровъ генеральнаго штаба: Ставровскій, Энгельгардъ, Сухомлиновъ и я. Результатомъ работъ была карта окрестностей Плевны, въ свое время отли- тографированная и разосланная въ войска (1). Впрочемъ, нѣкоторые изъ насъ были отвлечены отъ работы другими служебными обязанностями и въ партіи остались только Фрезе и Сухомлиновъ.

Вслѣдствіе вышеупомянутой телеграммы трое изъ состава нашего корпуснаго штаба, а именно: Ставровскій, Энгельгардъ и я выѣхали, верхомъ, 21-го сентября, изъ с. Мидхатъ-паши. Такъ какъ командировка наша предполагалась продолжительной, и корпусъ могъ передвинуться, то мы забрали съ собою всѣ вещи и, такимъ образомъ, должны были соображать свое движеніе съ ходомъ повозки, слѣдовавшей за нами. Я уже ѣхалъ по знакомой мнѣ дорогѣ изъ первой поѣздки подъ Плевну. Въ д. Овчей Могилѣ (которую солдаты неблагозвучно называли «Общей Могилой») мы нашли биваки 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Вся окрестность деревни, при вечернемъ времени, была залита огнями отъ костровъ. Замѣчу кстати, что, разыскивая начальника штаба 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, полковника Энкеля, мы были предувѣдомлены объ имѣющемся у его квартиры зеленомъ, кажется, фонарѣ, служившемъ указателемъ расположенія штаба. Не смотря на то, что послѣдній помѣщался въ самой отдаленной части деревни, зеленый фонарь служилъ намъ превосходнѣйшимъ путево- дителемъ, рѣзко отличаясь среди массы другихъ огней. Провожатый пона- добился только для указанія кратчайшей дороги. Дальнѣйшее движеніе наше происходило въ непроглядной темнотѣ. Около р. Осмы мы сблизись нѣсколько съ дороги и попали, около полуночи, въ д. Чаушгу-Махалу. Противоположный берегъ Осмы оказался въ этомъ мѣстѣ на столько крутымъ, что повозка наша никакъ не могла подняться; пришлось связать почти всѣ вещи и уже на рукахъ ихъ перетаскивать. Неумолкаемый тысячекласный собачій лай сопровождалъ нашъ вѣздъ въ деревню. Мы свѣхали въ одинъ изъ ближайшихъ дворовъ и расположились ночевать на открытомъ воздухѣ, сдѣлавъ себѣ постели изъ имѣвшейся въ изобиліи подстилки. Болгары нѣсколько недовѣрчиво на насъ поглядывали

(1) Карта эта, исправленная и пополненная, помѣщена при № 9-мъ «Военнаго Сборника» за 1878 годъ. Ред.

и видимо опасались, по бывшимъ примѣрамъ, ничего не получить за тѣ скудные припасы, которыми они могли насъ снабдить. На другой день, въ подмогу нашимъ лошадеямъ, мы искали прикупить осла, что, наконецъ, намъ и удалось.

До Плевны намъ оставалось верстъ 40 и потому мы прибыли туда только позднимъ вечеромъ. Тщетно мы искали штабъ 2-й пѣхотной дивизіи, куда намъ приказано было явиться къ князю Имеретинскому, назначенному начальникомъ штаба у генераль-адъютанта Тотлебена. Мы получали самыя сбивчивыя указанія и, посреди безчисленныхъ огней, кочевали съ одного бивака на другой. Наши маленькія чухонскія лошаденки были совершенно заморены этими передвиженіями, безъ дорогъ, по холмамъ и высотамъ, окружающимъ Плевну. Наконецъ, мы набрали на ставку Великаго Князя, гдѣ я обратился къ сидѣвшимъ за столомъ офицерамъ съ просьбой дать точныя указанія относительно расположенія штаба 2-й дивизіи. Въ счастію, князь Имеретинскій оказался тутъ же. Онъ намъ предложилъ остановиться на ночлегѣ и отложить дѣло до утра. Мы немедленно достали нашу казенную палатку, поставили ее и кровати, сняли пальто, сюртуки, сапоги и предалися богатырскому сну. Но намъ готовилось сильное испытаніе: около 2-хъ часовъ ночи мы были разбужены сильнымъ трескомъ. Проснувшись, мы замѣтили, во-первыхъ, что идетъ проливной дождь, и, во-вторыхъ, что часть подпорокъ въ нашей палаткѣ подмоилась и послѣдняя готовилась обрушиться. Всѣ принятыя нами мѣры оказывались несостоятельными. Ставровскій приказалъ людямъ снять съ повозки запасную ось, которой мы съ нимъ и замѣнили было подпорку. Но вѣтеръ такъ бушевалъ, что не было никакой возможности утвердить ее устойчиво. Послѣ неравной борьбы эта злополучная ось вырвалась изъ моихъ, испачканныхъ дегтемъ, рукъ, и шлепнулась на землю, а промокшая палатка легла на наши спины всею тяжестью. Въ усугубленію горя мы въ темнотѣ и среди общей возни не могли найти сапогъ и потому пришлось ступать прямо въ грязь, а потомъ уже, съ величайшими усиліями, одѣвать сапоги на замокшія и загрязненные ноги. Снявъ палатку, я приказалъ разбить свою кровать прямо на открытомъ воздухѣ подъ ливнемъ и снова погрузился въ сладкій сонъ. Спутники же мои промаялись до утра.

На другой день Фреве пригласилъ насъ на сборный пунктъ въ д. Сталевицы, гдѣ Энгельгардъ и я получили назначеніе — проѣхать къ сѣверу отъ Плевны и на западъ отъ нея въ авангардъ генерала Чернузубова, гдѣ работали два топографа, и просмотрѣть работы послѣднихъ. Ставровскій долженъ былъ отправиться къ югу отъ Плевны и обреченно-ноцировать тамъ дороги.

Путь нашъ (мой и Энгельгарда) лежалъ на д. Врбицу, по румынскимъ бивакамъ, потомъ на д. Рыбную (къ сѣверу отъ Плевны на берегу Видя), Трестеникъ и Нетрополь. Попадавшіеся на дорогѣ румынскіе биваки, госпитали и проч. имѣли видъ благоустроенный, а офицеры, къ которымъ мы обращались съ вопросами, относились, вообще, къ намъ съ предупредительной любезностью. Что касается войскъ, то наиболѣе благоприятное впечатлѣніе производили рашюры (регулярная кавалерія); они смѣли на хорошихъ коняхъ и одѣты были въ красивые красные кундиры.

Въ строю замѣчалась большая выдержка и порядокъ. Артилерія румынская имѣла превосходныя дальнобойныя орудія, а офицеры этого рода оружія получили большею частью образованіе въ германскихъ военныхъ школахъ. Что же касается главнаго и важнѣйшаго элемента арміи—пѣхоты, то она находилась далеко въ неудовлетворительномъ состояніи. Доробанскіе баталіоны имѣли видъ крестьянъ, только что оторванныхъ отъ сохи, а офицерскій составъ этой пѣхоты далеко не стоялъ на высотѣ своего назначенія. Самый боевой опытъ доказываетъ справедливость этого мнѣнія. Вопреки хвастливымъ увѣреніямъ румынъ, всѣ ихъ успѣхи въ эту кампанію весьма сомнительнаго характера. Такъ, напримѣръ, во время атаки Гривицкаго редута, румынскія колонны, долженствовавшія взять это укрѣпленіе, подойдя къ нему на весьма близкое разстояніе, ретировались оттуда еще съ большею поспѣшностью, нежели наступали, и изъ числа ихъ только 1 офицеръ и около 100 нижнихъ чиновъ вошли въ редутъ одновременно съ нашими полками 5-й дивизіи. Когда послѣ того румыны заняли своимъ гарнизономъ редутъ и тамъ случайно остались двѣ нашихъ роты, то союзники наши упрямо вѣдали оставить эти роты для совокупнаго съ ними охраненія укрѣпленія (я самъ видѣлъ бумагу въ этомъ смыслѣ въ штабѣ 9-го корпуса).

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній генералъ Бриденеръ рѣшился исполнить эту просьбу, чтобы не пришлось намъ второй разъ брать редутъ.... Подъ Раховымъ двукратныя атаки румынъ были отбиты турками, и только лишь тогда, когда послѣдніе *ушли сами*, атакующіе вступили въ городъ.

Говорю все это не въ осужденіе молодой, не имѣвшей боеваго опыта арміи, лишь только съ цѣлью указать на ту боевую цѣну, которой стоили наши союзники, имѣвшіе, между прочимъ, смѣлость увѣрять, будто Османъ сдался именно имъ, а не русскимъ!

Странно только, какъ мы потеряли въ этомъ дѣлѣ около 1,500 чөл., а румыны ни одного.

Путь до Рыбнаго пролегалъ отъ Врбицы по ущелью, вдоль котораго разставлена была цѣпь пикетовъ, каждый изъ нѣсколькихъ каларашей (довольно удовлетворительная милиціонная румынская кавалерія). Въ опустѣвшихъ деревняхъ считалось множество бѣглыхъ болгарскихъ семействъ изъ мѣстностей, занятыхъ турками. По указанію князя Черкаскаго они направлялись въ разныя оставленныя турками деревни, гдѣ и дѣлались собственниками всего оставшагося добра. Но дѣло въ томъ, что находили они обыкновенно лишь однѣ стѣны и заборы—все было забрано уходящими турками и черкесами или сфуржировано войсками. Румыны съ необыкновенной тщательностью и искусствомъ изслѣдовали всѣ подобныя пуняты.

На лѣвомъ берегу Вида уже видѣлись вдали наши аванпосты и встрѣчались казаки изъ кавалерійскаго отряда генерала Крылова. Главныя силы послѣдняго находились въ огромной деревнѣ Трестеникѣ, а авангардъ, подъ начальствомъ генерала Чернозубова, у д. Нетрополя. Кавалерія у Трестеника стояла бивакомъ; тѣмъ не менѣе, вся деревня была биткомъ набита, какъ военнымъ людомъ, такъ и жителями, а также огромной массой бѣглецовъ, которые нашли пріютъ у своихъ соотчичей.

Явившись къ генералу Крылову и узнавши, что топографы находятся при авангардѣ, мы пустились въ путь дальше.

Уже вечерѣло, когда мы подъѣзжали къ Нетрополю. У самой деревни видѣлись слѣды бывшаго бивака: разбросанная солома, шалаши, построенные изъ того же матеріала и хворосту и пр. Голодныя собаки бродили по брошенному биваку, разыскивая себѣ пищу; имъ сопутствовали нѣсколько болгаръ въ поискахъ за разными хламомъ. Авангардъ расположенъ былъ въ полуверстѣ отъ деревни на совершенно открытомъ мѣстѣ и могъ быть обстрѣливаемъ турецкимъ артилерійскимъ огнемъ. Лошади кучками уныло стояли у небольшихъ кругообразныхъ коновязей; тутъ же помѣщался небольшой запасъ фуража, а среди бивака одиноко торчали конусообразныя турецкія палатки, служившія обиталищемъ офицеровъ. Генераль Чернозубовъ принялъ насъ весьма любезно, угостилъ водкой, бараньимъ супомъ и сухарями. Обѣдъ въ тотъ день отличался особенной прелестью, такъ какъ генераль досталъ откуда-то немного картофеля, который и былъ сваренъ въ супѣ. Здѣсь же мы познакомились съ престарѣлымъ генераломъ Красновымъ, заслужившимъ георгіевскій крестъ еще въ Венгерскую кампанію. Въ первомъ бабаланскомъ походѣ, тогда еще полковникъ Красновъ командовалъ доблестнымъ 26-мъ полкомъ. Слава генерала, какъ неустрашимаго храбраго воина, уже тогда была громка среди его боевыхъ со товарищей.

Мы переночевали, разумеется, на полу одной изъ палатокъ, а утромъ готовились было отправиться на рекогносцировку съ топографами, но сильный туманъ задержалъ насъ. Наши съемщики работали съ величайшимъ усердіемъ, но турецкая цѣль зорко слѣдила за ними и отговяла выстрѣлами. Случалось, что люди прикрытія бывали при этомъ ранены.

Въ тотъ же самый день, т. е. 24-го сентября, было получено донесеніе съ постовъ и отъ разъѣздовъ, что турки, въ числѣ около шести таборовъ, трехъ эскадроновъ и батареи, вышли изъ Плевны на фуражировку въ Горній Дубнякъ. Генераль Черновубовъ, начальникъ авангарда, замѣтилъ, обращаясь къ намъ: «Вотъ вы, господа, вчера говорили, что хотѣли ипастъ въ дѣло. Сегодня вы можете испытать это удовольствіе. Отъ меня все требуютъ турецкихъ транспортовъ, хотятъ чтобы я ихъ захватывалъ, разбивалъ.... Вотъ вы сами убѣдитесь на словцо это возможно. Я пойду атаковать ихъ со своимъ отрядомъ. Сдѣлаю что можно; во всякомъ случаѣ заставлю ходить ихъ по осторожнѣе, да и брать посильнѣе прикрытіе».

Пославъ донесеніе генералу Крылову о своихъ намѣреніяхъ, генераль маіоръ Черновубовъ поднялъ свой отрядъ и выступилъ по направленію къ Горнему Дубняку. Силы его состояли изъ семи сотенъ казачевъ, двухъ эскадроновъ Екатеринославскихъ драгуновъ и 15 й донской конно-артилерійской батареи. Отъ отряда выдѣлился впередъ, авангардомъ, генераль Красновъ съ нѣсколькими сотнями.

День былъ пасмурный, началъ накрапывать дождь и трудно было разглядывать вдаль. Казачья цѣль разъѣздовъ охватила отрядъ съ фронта и фланговъ. Первый разъ я шелъ въ настоящее дѣло. Любопытство, величайшее любопытство было преобладающимъ моимъ чувствомъ въ эту минуту. Я напряженно всматривался вдаль, съ величайшимъ интересомъ слѣдя за движеніемъ разъѣздовъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ встрѣчи ихъ съ противникомъ.

Какъ-то это происходитъ въ настоящемъ дѣлѣ? Чѣмъ обнаружится и какъ выразится самый актъ встрѣчи и пр., и пр. Хотѣлось поскорѣе самого себя провѣрить; какое впечатлѣніе произведетъ на меня обстановка боя, своею трагическою стороною? и т. п. Лица у всѣхъ серьезные, оружіе на готовѣ и изрѣдка осматривается на походѣ.... Среди этихъ размышленій и наблюденій вдругъ раздался на лѣвомъ флангѣ ружейный выстрѣлъ; всѣ взглянули въ ту сторону, а цѣль продолжала двигаться безостановочно. Тщетно я разыскивалъ взоромъ мѣсто откуда послѣдовалъ этотъ первый выстрѣлъ... Черезъ нѣсколько секундъ другой и зачастило; тогда уже мы замѣтили дымы въ кукурузѣ, находив-

шейся шагахъ въ 2,000 отъ нашихъ развѣдочъ. Генераль Чернозубовъ приостановилъ и скрылъ за холмомъ главные силы, а самъ выѣхалъ переговорить съ генераломъ Красновымъ. Последній, между тѣмъ, спѣшилъ большую часть своихъ казаковъ, которые завязали живую перестрѣлку съ турецкою цѣпью, а съ остальною частью рѣшилъ двинуться вправо, чтобы, во-первыхъ, обрекогносцировать мѣстность, а во-вторыхъ, вызвать огонь противника по всей позиціи и обнаружить его расположеніе. Пока это исполнялось, всё мы съ генераломъ Чернозубовымъ внимательно разсматривали въ бинокли противника. Я запасся изъ Петербурга хорошимъ биноклемъ съ тремя окулярами, который служилъ мнѣ всю кампанію. Простымъ глазомъ, вслѣдствіе тумана и дождя, трудно было видѣть, что дѣлается у противника. Бинокль же позволилъ различить нѣсколько колоннъ, которыя совершали передвиженіе для занятія позиціи. Непрительская кавалерія начала выдвигаться противъ генерала Краснова, совершавшаго свой обхватъ вправо. До этого времени мы находились внѣ турецкихъ выстрѣловъ и потому заняты были исключительно объективными наблюденіями. Скоро послѣ открытія перестрѣлки мы уже замѣтили нѣсколько раненыхъ лошадей, которыя уныло, понуря голову, или прихрамывая возвращались въ отрядъ. Казаки снимали съ нихъ сѣдла и уздечки, и пускали на волю. Я не слышалъ, чтобы казакъ пристрѣдилъ свою раненую лошадь: «не умирать ей отъ моей руки», обыкновенно говорятъ они.

Между тѣмъ, генераль Чернозубовъ вызвалъ на позицію батарею. Подполковникъ Дудкинъ, дѣлавшій уже первый забалканскій походъ, лихо вынесся впередъ, снялся съ передковъ и открылъ огонь по турецкимъ колоннамъ. Енатинославскіе драгуны стали по сторонамъ и нѣсколько позади, въ прикрытіи. Минуты черезъ двѣ, кто-то замѣтилъ: «выѣзжаетъ на позицію турецкая батарея». Еще подъ вліяніемъ красносельскихъ традицій, я тщетно отыскивалъ впереди, саженьяхъ въ 500—600, эту батарею. Блеснувшій огонекъ обнаружилъ мою ошибку. Турецкія орудія открыли огонь съ разстоянія около 2,000 сажень! Батарею едва можно было разглядѣть въ бинокль. За огонькомъ черезъ нѣсколько секундъ послышался гулъ выстрѣла, а затѣмъ вскорѣ граната, съ необычайно быстро усиливавшимся не то свистомъ, не то шипѣніемъ шлепнулась въ нѣсколькихъ шагахъ передъ дуломъ 6-го орудія, у котораго мы стояли, глубоко врылась въ землю, глухо лопнула и съ жалобнымъ звономъ рассыпалась небольшимъ фонтаномъ осколковъ, перемѣшанныхъ съ комьями грязи. При крутизнѣ траекторіи снаряда осколки поднимались чрезвычайно круто вверхъ; а вслѣдствіе тяжести, стѣнонь гранаты и сравнительно незначительнаго разрывнаго заряда—

разбрасывались на небольшое разстояніе. Шагахъ въ трехъ—четырехъ отъ мѣста разрыва гранаты уже было почти безопасно. Послѣ перваго выстрѣла черезъ полминуты послѣдовалъ второй и т. д. Ни одинъ турецкій снарядъ не вышелъ изъ расположенія батареи. Что касается впечатлѣнія орудіиныхъ выстрѣловъ, то самая непріятная минута отвѣчаетъ тому моменту приближенія гранаты, когда она съ поразительно быстро усиливающимся шипѣніемъ жмется вотъ—вотъ жѣтить прямо въ вашу грудь... сердце защемишь, какъ будто бы въ ожиданіи очень сквернаго извѣстія, потомъ отойдетъ до слѣдующаго выстрѣла и т. д. Когда же обстрѣляетесь и кругомъ, вблизи, не видно особенно тяжелыхъ случаевъ раненія, то артиллерійскій гранатный огонь перестаетъ почти совсѣмъ производить впечатлѣніе. Да и, вообще говоря, никто изъ офицеровъ, бывшихъ въ этомъ дѣлѣ, не потерялъ расположенія смѣяться, шутить и ни на одномъ лицѣ не было замѣтно ощущенія, о которомъ я говорилъ, но присутствія котораго въ себѣ никто не отрицалъ. Я замѣтилъ еще, что въ бою много курится табаку—вѣроятно, это результатъ нѣкотораго нервнаго возбужденія.

Почти всѣ артиллеристы-казаки при всякомъ непріятельскомъ выстрѣлѣ нѣсколько нагибались, а одинъ даже ложился. По этому поводу подполковникъ Дудкинъ замѣтилъ: «я имъ разрѣшаю такіе поклоны. Они вѣрятъ, будто это до нѣкоторой степени предохраняетъ отъ непріятельскаго огня—ну, и пускай себѣ кланяются. Во всѣхъ дѣлахъ они показали, что работаютъ молодцами, отчего же мнѣ не уважить ихъ предразсудка». Дѣйствительно, уже въ первомъ забалканскомъ походѣ 15-я батарея не разъ отличалась. Да и въ этомъ дѣлѣ, когда приказано было прекратить пальбу и сняться съ позицій, чтобы обратно отправиться домой, то сами казаки (наводчики) упросили позволить имъ еще пострѣлять, такъ какъ замѣтили довольно близко проходившую колонну.

Общимъ огнемъ спѣшенныхъ казаковъ и батареи непріятельская пѣхота была отгѣснена нѣсколько навадъ и зашла въ окопы, продолжая пальбу. Больше со слабыми силами нашего отряда ничего невозможно было съ нею сдѣлать.

Между тѣмъ, три эскадрона турецкой регулярной кавалеріи выдвинулись противъ сотни генерала Краснова. Послѣдній сталъ во главѣ полусотни и стремительно бросился на противника, въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго. «Коли ихъ, подлецовъ, пивами», крикнулъ старый воинъ, три эскадрона были опрокинуты, а человекъ 30 переколоты и измрублены. «Вѣдь эдакая стойкая самоцѣль!—говорилъ впоследствии генералъ—подпустили шаговъ на 10; повынимали свои револьверы, па-

лять на ибствѣ съ коней и орутъ «алла, алла!» Пугнувши турокъ, но не имѣя возможности нанести имъ рѣшительный ударъ, генералъ Черновубовъ приказалъ отряду сняться съ позиціи и отходить назадъ. Пошла батарея, съ нею драгуны. Турки пустили вслѣдъ нѣсколько гранатъ, затѣмъ прекратили бой и выслали человекъ 50 для уборки своихъ раненыхъ и убитыхъ.

Серьезными и сосредоточенными во время боя лица оживились по окончаніи дѣла; всѣ начали дѣлиться пережитыми впечатлѣніями. «Я—говорилъ казакъ—выхватилъ шашку и понесся было на турку, какъ подскочилъ генералъ, и кричить: «пику возьми, пику! лучше угодишь!» Надо замѣтить, что вопреки общераспространенному мнѣнію, пики оказались въ нынѣшнюю кампанію далеко не бесполезнымъ боевымъ оружіемъ. Такое замѣчаніе я слышалъ отъ многихъ кавалеристовъ. Пики производили на противника весьма сильное нравственное впечатлѣніе, а уколы ихъ опаснѣе и дѣйствительнѣе, нежели сабельные удары. Обыкновенно однимъ изъ главныхъ доводовъ противъ пикъ приводить то обстоятельство, что ею трудно фехтовать въ рукопашномъ бою. Это вѣрно. Но, во-первыхъ, до рукопашнаго боя при атакахъ кавалеріи рѣдко доходить дѣло, во-вторыхъ, даже и въ такомъ случаѣ *первый ударъ* отлично наносится пики; а этимъ ударомъ большею частью и опрокидывается одна изъ сторонъ. Наконецъ, если бы еще послѣ того продолжалась схватка, то не жаль будетъ и бросить пику и выхватить саблю, такъ какъ подобныя случаи чрезвычайно рѣдки. Я не затрогиваю вопроса о перестроеніи всей кавалеріи въ драгунъ, вооруженныхъ ружьями со штыкомъ: такая организація, быть можетъ, представила бы столь значительныя выгоды, передъ которыми преимущество пикъ имѣло бы совершенно ничтожное значеніе.

Среди шумнаго говора отрядъ возвратился обратно, обогащенный нѣсколькими турецкими лошадьми, взятыми съ боя казаками, галетами, хлѣбомъ, частью и деньгами, найденными въ сѣдельныхъ бабурахъ и на убитыхъ туркахъ. Наша потеря не превосходила, кажется, человекъ 10 убитыми и ранеными и нѣсколькихъ лошадей.

Такъ какъ погода мѣшала нашимъ рекогносцировкамъ, то мы съ Энгельгардомъ рѣшились еще переночевать въ авангардѣ, надѣясь покончить работу на другой день. Ночью внезапно поднялся сильнѣйшій холодный вѣтеръ, затѣмъ дождь и, наконецъ, во всеобщему изумленію—снѣгъ. Явленіе неслыханное для такого времени года въ этой странѣ. Насъ порядочно промочило и, при такихъ условіяхъ, болѣзнь моя—дисентерія—рвыгралась съ новою силою.

На утро нашему изумленному взгляду бивакъ представился покры-

тнѣ бѣлымъ снѣжнымъ покровомъ. Густой туманъ нависъ надъ всѣми окрестностями и опять помѣшалъ нашимъ занятіямъ. По необходимости пришлось сдѣлать намъ указанія топографамъ только по картѣ, и передъ вечеромъ мы выѣхали обратно, рассчитывая переночевать въ Трестеникѣ, въ избѣ, чего крайне требовало состояніе моего здоровья. Офицеры-топографы, Семеновъ и Бутовичъ, пригласили насъ къ себѣ на квартиру. Они помѣщались въ одной комнатѣ-землянкѣ, набитой болгарами. Вообще, въ этой мѣстности почти всѣ деревни состояли изъ землянокъ. Надъ поверхностью горизонта можно замѣтить только рядъ невысокихъ земляныхъ крышъ, изъ которыхъ торчатъ трубы. Всякая землянка огорожена заборомъ или валомъ, покрытымъ терномъ. Внутри ограды, кромѣ жилого помѣщенія, имѣются загоны для скота, птичники и проч.; хлѣбъ и сѣно складывается тутъ же въ свирдахъ и стогахъ. Чтобы попасть въ землянку, надо спуститься ступеней 10—15 внизъ, и тогда вступаешь въ родъ жилыхъ сѣней. По одну сторону послѣднихъ имѣются помѣщенія для запасовъ молочнаго хлѣба, кукурузы и проч., а по другую—жилая комната. Вокругъ стѣнъ послѣдней идетъ возвышеніе, фута на полтора отъ пола, въ родѣ наръ, гдѣ обыкновенно спать, сидятъ и проч. У одной изъ стѣнъ устроенъ очагъ съ совершенно прямой трубою. Поэтому, при дождѣ огонь въ очагѣ часто заливаешь; вода распространяется по всему полу; она же легко протекаетъ черезъ ненадежную крышу, а со двора, вдобавокъ, грязь наносится ногами. Можно себѣ представить, какую картину представляетъ собою внутренность жилья при всякомъ значительномъ дождѣ! Домашняя утварь отличается крайнею бѣдностью и отсутствіемъ разнообразія. Ни столовъ, ни стульевъ, ни скамеекъ и въ поминѣ не имѣется. Обѣдаютъ на кругломъ деревянномъ подносѣ; ѣдятъ ложками и пальцами.

Не смотря на производительность страны и превосходныя качества хлѣбныхъ растений, жители питаются отвратительными лепешками. Мука мѣсится безъ дрожжей. Изъ тѣста скатывается круглая лепешка, которую кладутъ въ золу очага—и черезъ минутъ 20—30 хлѣбъ готовъ. Пока эта лепешка горяча, ее ѣсть еще можно, хотя плотное, дурно пропеченное, горячее тѣсто, разумеется, должно разрушительно дѣйствовать на желудокъ. Черезъ нѣсколько часовъ лепешка утрачиваетъ свой вкусъ и постепенно превращается въ твердую, какъ камень, массу. И говорить нечего, что мы всегда предпочитали сухари атаманъ лепешкамъ. Стѣны въ избахъ совершенно голыя, украшеній никакихъ. Многіе твердятъ о богатствѣ и благоденствіи болгаръ. Это было бы вѣрно, если бы счастье измѣрялось только количествомъ имѣющагося хлѣба и скота. Дѣйствительно, при необыкновенномъ богатствѣ почвы

(черноземъ часто въ одинъ, полтора аршина глубинсю) и малой плотности населенія въ сѣверной Болгаріи, немного нужно труда, чтобы наполнить житницы и выпастить порядочное стадо скота; но, вслѣдствіе отсутствія порядочныхъ путей сообщенія, дурной администраціи, полной необеспеченности личности и собственности, промышленность, торговля, накопленіе продуктовъ труда—развиты въ ничтожной степени; соответственно этому уровню стоятъ и потребности населенія, а между тѣмъ, страна поражаетъ богатствомъ даровъ природы.

Мы счастливы были, попавъ на ночлегъ въ жалкую лачужку; зажгли огонь въ очагѣ и могли, такимъ образомъ, немного просушиться. Офицеры топографы, искусившись во время своихъ странствованій въ кулинарномъ искусствѣ, сварили супъ изъ курицы, и приготовили отличный кофе «по-турецки», т. е. съ гущей и сахаромъ вмѣстѣ. Разумѣется, только въ нашемъ положеніи ночлегъ въ подобномъ помѣщеніи могъ казаться блаженствомъ: ноги, обращенныя къ очагу, сильно нагрѣвались огнемъ, а головы продувало вѣтромъ при каждомъ открываніи двери; грязь на полу мѣшала ходить безъ сапогъ, а потому мы и спали въ полномъ почти одѣяніи, снявъ лишь сабли, револьверы, сумки и бивоклы.

Вернулись мы обратно черезъ деревню Гривницу. Не смотря на то, что деревня эта находилась подъ непріятельскимъ огнемъ, въ ней кипѣла полная жизнь: всѣ избы были заняты офицерами, мелкими маркитантами и разными учрежденіями.

Въ Згалевицѣ Фрезе предложилъ намъ направиться къ югу отъ Плевны и, пробравшись по направленію къ софійскому шоссе, произвести тамъ нѣсколько рекогносцировокъ, но судьба намъ готовила болѣе интересное дѣло и, какъ увидитъ читатель ниже, мы должны были прикнудить къ нашему корпусу, чтобы принять участіе въ славныхъ бояхъ на софійскомъ шоссе. Я отдѣлился отъ Энгельгарда и отправился на Тученицу, надѣясь встрѣтить тамъ Нагловскаго, который назначенъ былъ начальникомъ штаба у генерала Гурко, получившаго, вмѣсто Крылова, командованіе надъ кавалеріей западнаго отряда. Я думаю обратиться вмѣстѣ съ Нагловскимъ къ софійскому шоссе. По предварительному уговору я долженъ былъ искать его въ Тученицѣ у генерала С., штабъ котораго былъ расположенъ въ этой деревнѣ.

Квартира генерала С. помѣщалась въ одномъ изъ полуразоренныхъ домовъ; но обстановка была улучшена, на сколько позволяли средства. Въ комнатѣ находилось нѣсколько деревянныхъ столовъ, стульевъ и проч. При генералѣ находился постоянно ординарецъ — пѣхотный офицеръ. Тутъ же помѣщалась походная кровать. Генералъ принялъ меня

гостеприимно, накормилъ обѣдомъ, и охотно отвѣчалъ на многочисленныя вопросы. Онъ говорилъ, что служба его и боевая дѣятельность въ Туркестанѣ принесли ему огромную пользу и послужили для него хорошей школой.

Потомъ разговоръ перешелъ на разные боевыя снаровки. «Нужно было пользоваться каждымъ случаемъ», говорилъ генералъ С., чтобы вліять на массы. Напримѣръ, я замѣтилъ, что почти съ полной безопасностью можно провѣзжать быстрымъ аллюромъ на близкомъ даже разстояніи отъ непріятельской цѣпи. Торопливо стараясь выстрѣлить, противникъ всегда дастъ промахъ. Но Боже упаси остановиться хотя на минуту, быстро пристрѣляются и свалются. Зная это, я остаюсь цѣлъ, а сопровождающіе меня не всегда такъ счастливо отдѣлываются; по нѣвнѣю толпы выходятъ, что я закодванъ отъ пули».

Относительно психическихъ ощущеній во время боя онъ говорилъ: «Очень часто и у меня происходитъ въ дѣлѣ борьба между требованіемъ чувства долга и личной безопасности. Одинъ голосъ говоритъ: ты можешь остаться здѣсь, не выдвигаться впередъ, твое мѣсто именно въ этомъ пунктѣ, ты тутъ можешь лучше распорядиться, а другой противорѣчитъ: да, но болѣе впереди ты лучше рассмотримъ мѣстность и противника, воодушевишь людей и проч. и проч. Какъ-то такъ случилось, прибавилъ генералъ, что послѣдній голосъ одерживалъ побѣду».

Нагловскій остался пока въ Тученицѣ, а я проѣхалъ далѣе въ д. Ральево, черезъ которую проходилъ въ это время нашъ корпусъ, чтобы повидаться кое съ кѣмъ въ штабѣ и сообщить о своей дальнѣйшей побѣдѣ. Не доѣзжая Ральева, я встрѣтилъ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ съ 1-й батареей лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады. Движеніе войскъ по размокшему черновому представляло чрезвычайныя трудности. Артиллеристы выбивались изъ силъ, подгоняя своихъ лошадей. Спускъ въ деревню былъ чрезвычайно крутъ, узокъ и обрывистъ, а подъемъ, вслѣдствіе грязи, представлялъ еще большія трудности. Войска столпились по всему пространству, вся деревня была запружена проходящими, а переходъ саженъ 150—200 черезъ деревню въ гору потребовалъ цѣлой ночи. Съ величайшими трудностями мнѣ удалось пробраться между орудіями и войсками и, обойдя болѣе половины извѣ, найти наконецъ штабъ корпуса. Я засталъ собранными вмѣстѣ въ одной извѣ графа Воронцова-Дашкова, полковника Гудима-Левковича и другихъ нашихъ офицеровъ. Начальникъ штаба подробно опрашивалъ болгаръ относительно дальнѣйшихъ путей, къ югу отъ Плевны, на Беглишъ и Ески-Барнакъ.

Графъ Воронцовъ-Дашковъ не согласился отпустить меня на реког-

исспировку, такъ какъ нуждался самъ въ офицерахъ генеральнаго штаба и предложилъ остаться при корпусѣ. Тогда я отправился розыскивать Ставровскаго, съ которымъ у насъ была общая повозка. Хотя мы были въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, но занимали оберъ-офицерскія вакансіи, а потому на двухъ насъ полагалась одна повозка. Нельзя не замѣтить крайняго неудобства такого положенія на практикѣ. По самому характеру службы генеральнаго штаба, каждому изъ насъ постоянно приходится исполнять отдѣльныя командировки, порученія, состоять то въ томъ, то въ другомъ отрядѣ; при этомъ условіи общности имущества всегда будетъ крайне невыгодно для кого нибудь изъ совладѣльцевъ.

Ставровскаго я нашелъ полубольнымъ, въ извѣ, набитой хворыми болгарами, прислуга наша тоже разболѣлась (преимущественно желудкомъ) и такимъ образомъ мы представили собою небольшой лазаретъ, но мысль о дѣйствительномъ госпиталѣ никому не приходила въ голову. На другой день движеніе корпуса продолжалось далѣе.

Чтобы сколько нибудь облегчить путь для частей, не переходившихъ еще д. Ральево и бивакировавшихъ на противоположной ей сторонѣ, графъ Воронцовъ-Дашковъ приказалъ саперамъ и Волынскому полку заняться разработкой двухъ подъезмовъ и самъ слѣдилъ за работой. Люди сперва снимали грязь съ дороги, потомъ настлали дорогу соломой, затѣмъ разламывали плетневые заборы и раскладывали ихъ по полотну дороги и, наконецъ, чтобы не скользили лошади, присыпали все соломой. Не смотря на все это, движеніе происходило съ большими трудностями; ни одна повозка не могла подняться безъ помощи людей. Передъ вечеромъ мы отправились далѣе по дорогѣ на Беглишъ въ Ески Баркачъ. Путь этотъ не мало насъ смущалъ. Отъ продолжительнаго дождя грунтъ земли совершенно размокъ и расползался; объѣздовъ по сторонамъ дороги вовсе не было: она ограничивалась пахатыми полями, которыя, вслѣдствіе вязкости, рѣшительно не допускали движенія повозокъ; даже верхомъ не легко было по нимъ пробираться. Съ попутти дорога вошла наконецъ въ ущелье. Дно его хотя было часто каменистымъ, но по ручьямъ встрѣчались постоянно сквернѣйшіе спуски и подъемы, которые притомъ окончательно были испорчены войсками. Вообще движеніе на этомъ переходѣ представляло далеко не привлекательную картину; повозки увязали на каждомъ шагу, лошади выбивались изъ силъ, буйволы прямо ложились въ грязь и никакими понурками и ударами нельзя было ихъ поднять; части растаяли въ грязь, какъ нитками; люди брели кучками, оставшихъ множество; продолжительные дожди промочили всю одежду, некогда и негдѣ было высушиться; все раскисло и продрогло.... Само собою разумѣется, что труды

было удостѣнить за каждымъ человѣкомъ при подобномъ движеніи, и начальникамъ приходилось употреблять всевозможныя мѣры и усилія, чтобы водворить порядокъ и не подавать повода къ справедливымъ жалобамъ жителей.... Увѣряютъ, будто Османъ, спустя непродолжительное послѣ этого время, говорилъ нашему парламентару: «я видѣлъ движеніе вашей гвардіи; она разложила такіе костры, которые сдѣлали бы честь сотысячной арміи».

На сколько движеніе было трудно, видно изъ того обстоятельства, что на переходъ и сосредоточеніе двухъ дивизій изъ д. Ральво въ Эски-Баркачь (около 15-ти верстъ) потребовалось почти пять сутокъ; въ довершенію гора, ранцевый запасъ сухарей былъ съѣденъ, транспортъ отсталъ и весь отрядъ долженъ былъ исключительно питаться однимъ мясомъ.

Деревня Эски-Баркачь лежитъ на скатѣ плато, образующаго одинъ бокъ глубокой лощины съ крутыми утесистыми берегами. Деревня была турецкая (жители выселились съ появленіемъ нашихъ войскъ подъ Плевной). Турки оставили намъ нѣкоторый запасъ ячменя и соломы. Приходя на бивакъ, подъ проливнымъ дождемъ, люди быстро разбирали за подстилку ивѣвшіеся по дворахъ снопы, а потомъ, по истощеніи ихъ, солому съ крышъ. Авангардъ сталъ верстахъ въ трехъ впереди, по направленію къ Плевнѣ, въ д. Іени-Баркачь (эски значитъ по турецки старый, а іени—новый), населенной болгарами.

Даже впереди насъ занимали аванпосты Донской № 4-го казачій и 9 в гусарскій Кіевскій полки. Въ это время (первыя числа октября) задача нашего корпуса не была еще выяснена; о движеніи на софійское шоссе, съ цѣлью прочно тамъ утвердиться, не было еще и рѣчи.

2-го ноября пріѣзжалъ къ намъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, поженнигъ принца Барла Румынскаго по командованію западнымъ отрядомъ, съ начальникомъ штаба княземъ Имеретинскимъ. Всѣ начальствующія лица, совмѣстно съ офицерами генеральнаго штаба, выѣзжали на развѣдочную мѣстности отъ Іени-Баркача на Чириково. Одно время думали, будто наша задача заключалась въ нападеніи на турецкіе транспорты, двигавшіеся по софійскому шоссе. Не говоря о странности подобной партизанской роли для сильнаго корпуса, она была бы въ сущности бесполезною, такъ какъ все-таки оставляла путь для отступленія Османа свободнымъ, да и кромѣ того турки никогда не пускали сразу большаго транспорта, что мы хорошо видѣли съ пунктовъ нашего наблюденія, а отправляли отъ одного этапа до другаго періодически повозокъ 50—100. Каждый изъ насъ, понятно, съ нетерпѣніемъ ожидалъ разъясненія обстоятельствъ. Въ видахъ возможнаго движенія

на лѣвый берегъ Вида, предполагалось устроить на лѣвомъ его берегу тетъ-де-понъ и помѣстить тамъ двѣ роты стрѣлковъ. Впослѣдствіи эта мѣра была отмѣнена, чтобы не возбуждать усиленнаго вниманія турокъ появленіемъ тамъ нашихъ пѣхотныхъ частей; притомъ, какъ оказалось рѣка Видъ была переходима въ бродъ во многихъ мѣстахъ.

Въ тѣхъ же предположеніяхъ Ставровскому поручено было прома- вести, съ 1½ эскадронами конвоя Его Величества и 1½ сотнями казаковъ, рекогносцировку по направленію къ Горнему Дубняку и Телишу. Чтобы исполнить задачу, ему пришлось завязать бой съ турецкой пѣхотой, поддержанной огнемъ нѣсколькихъ орудій. Перестрѣлка продолжалась часа 2½, причѣмъ было снято кроки указаннаго пространства; рекогносцировка стоила двухъ казаковъ и двухъ лошадей ранеными.

Жизнь наша въ Барнатѣ устроилась не особенно комфортабельно: мы помѣщались въ темной избѣ, гдѣ низкій потолокъ не позволялъ вытянуться во весь ростъ; что касается продовольствія, то должны были ограничиться исключительно лишь супомъ изъ баранины, изготовленнымъ въ водопойномъ ведрѣ. За фуражомъ для лошадей приходилось посылать повозку или въючныхъ лошадей верстъ за 10—12, гдѣ каждой части указаны были фуражировочные районы.

Такъ какъ въ это время ожидалось прибытіе къ намъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, то графъ Воронцовъ-Дашковъ поручилъ мнѣ и генеральнаго штаба полковнику барону Каульбарсу осмотрѣть все пространство къ югу, по направленію къ Ловчѣ. Въ прикрытіе намъ было дано 12 казаковъ конвоя Его Величества.

6-го октября мы тронулись въ путь. «Ребята, предупреждали мы казаковъ,—намъ надо осмотрѣть побольше пространства, но не драйтесь съ турками, потому, если увидите ихъ развѣзды или небольшія части примѣрно равныя вамъ или не больше какъ вдвое сильнѣе, то бросайтесь на нихъ и гоните; если же непріятель будетъ гораздо сильнѣе то лучше будетъ уклониться отъ боя, дать туркамъ уйти, а потомъ опять продолжать свою работу». Казаки переглянулись съ оживленною улыбкой, и одинъ изъ нихъ замѣтилъ: «Ваше в-дѣе, мы надѣемся справиться каждый съ четырьмя черкесами, такъ, что позвольте....» — «Ну какъ знаете, отвѣчали мы, смотрите же, молодцами». Едва ли, впрочемъ, нужно было поощрять этихъ отчаянныхъ людей.

Путь нашъ (на деревни Бежаново, Огурчени и др.) пролегалъ сначала среди безбрежнаго моря дубоваго вустарнииа, перемѣшаннаго с колючками и на столько густаго, что пробраться по немъ можно было только одному человѣку, и то лишь по тропинкамъ и дорожкамъ затѣмъ мы вошли въ густой вѣковой дубовый лѣсъ, пройдя некоторы

вышли на холмистую мѣстность, состоящую изъ сближающихся долинъ и невысокихъ хребтиковъ, слегка поросшихъ лѣсомъ. Оттуда открывался восхитительный видъ на предгорія и далѣе на самый массивъ Балкановъ. По пути намъ попадались заброшенныя турецкія деревни и чифлики. Тщетно казаки рыскали, чтобы розыскать съѣстнаго; удалось добыть только нѣсколько куръ, сливъ и грецкихъ орѣховъ. Разореніе покинутыхъ селъ производилось общими усиліями: то явятся туда болгары, то солдаты на фуражировку, то, наконецъ, и случайный посетитель, какъ въ настоящемъ случаѣ мы, наложить свою руку. На поляхъ мы нашли массу необраннаго сѣна, а въ нѣбахъ попадались: овесъ, ячмень, пшеница. Сообразно этому, а также и бивачнымъ условіямъ, мы и очерчивали квартирный районъ для ожидаемой кавалерійской дивизіи. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, я убѣдился въ огромной важности правильной организаціи въ войскахъ интендантской службы. Если бы всѣ попадающіяся войскамъ въ руки средства страны были правильно эксплуатированы, а не беспорядочно расхищаемы, то, вѣроятно, люди и лошади рѣдко бы когда голодали. Сопровождавшіе насъ казаки двигались въ порядкѣ, указанномъ для развѣзда, т. е. освѣщали мѣстность съ фронта и фланговъ. По приближеніи къ дер. Огурчени, едва болгары завидѣли ихъ издали, какъ опрометью бросились бѣжать куда глаза глядятъ. Мы послали казака догнать ихъ и успокоить. Но это произвело еще бѣльшую панику; видя погоню за собою, они сбрасывали сперва верхнее платье, потомъ сапоги и наконецъ брѣжи и, уже на легкѣ, въ одной рубахѣ, стремительно удирали. Наконецъ казаву удалось нагнать одного изъ бѣглецовъ и убѣдить, что мы русскіе, а не черкесы, не смотря на папахи и архалуки (казавовъ). Надо было видѣть восторженную радость этихъ несчастныхъ людей, когда они удостоились, что передъ ними дѣйствительно *братушки*. Надо замѣтить, что д. Огурчени находилась въ полосѣ территоріи, пролегающей между нашими и турецкими войсками. Изъ Ловчи заходили туда наши развѣзды, но появлялись иногда и черкесы, стоявшіе недалеко къ западу. Можно себѣ представить положеніе бѣдныхъ жителей!

Нашъ пріѣздъ былъ праздникомъ для всей деревни. Они окружили насъ со всѣхъ сторонъ, засыпали вопросами, нанесли хлѣба, яблокъ, сливъ и пр. Очистили намъ обширную нѣбу, зажгли очагъ и видимо старались предупредить малѣйшее наше желаніе. Такъ какъ ночевать намъ приходилось вблизи черкесскаго лагеря, то у воротъ дома мы поставили часового, и поочередно развѣздъ изъ двухъ казавовъ долженъ былъ двигаться по деревнѣ и ближайшимъ окрестностямъ; прочіе казаки расположились во дворѣ, разнуздали лошадей, отпустили, не развѣзды-

вая, подпруги и принялись варить купленного нами поросенка, ведя оживленную бесѣду съ любопытствующими болгарами. Мой спутникъ Н. В. Каульбарсъ, большой любитель природы, увлекаемый превосходѣйшей лунной ночью, вышелъ на улицу, съ цѣлью погулять по деревнѣ, среди ночной тишины и полного уединенія. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ онъ вернулся раздраженный. «Хотѣлъ погулять,—говорилъ онъ,—и наткнулся на безобразную сцену: слышу въ концѣ деревни сильный собачій лай, подхожу и вижу, что цѣлая ихъ стая что-то рветъ; всматриваюсь — человѣческій трупъ, обглоданный на половину; по бритой головѣ можно догадаться, что это былъ турокъ». Когда черезъ четверть часа мы вышли снова къ собакамъ, то въ распоряженіи ихъ оставался только позвоночный столбъ съ тазовыми костями. Утромъ дѣло разъяснилось. Невадолго до того времени, о которомъ идетъ рѣчь, турки зарѣзали отца и мать у огурченскаго чербаджи за это онъ появился въ свою очередь убить по крайней мѣрѣ то же двухъ турокъ. Въ нашему времени на мельницу въ деревню зашелъ изъ окрестностей какой-то мусульманинъ, и чербаджи немедленно приступилъ къ исполненію своей клятвы. Зарѣзавши турка, онъ бросилъ его среди деревни на съѣденіе собакамъ, и всѣ жители равнодушно на это смотрѣли. Такова-то грубость нравовъ, питаемая и поддерживаемая ожесточенной племенной враждой тамошняго населенія. Чербаджи, узнавши, что мы русскіе, самъ явился къ намъ, но уклонился отъ разсказа о своей расправѣ. Это былъ высокій, статный и рѣшительный человѣкъ; въ рукахъ онъ держалъ старое, но исправное ружье, а изъ за широкаго пояса выглядывалъ громадный ятаганъ. Можно было быть увѣреннымъ, что онъ въ точности и въ полной мѣрѣ исполнитъ свою клятву.

На другой день, 7-го октября, мы проѣхали еще нѣсколько запустѣвшихъ деревень, гдѣ, кромѣ фуража, можно было найти сливъ (порежѣвшія, но не спадавшія съ деревьевъ) и грецкихъ орѣховъ. Во многихъ мѣстахъ были замѣтны слѣды пожаровъ, а инны избы и заборы горѣли еще на нашихъ глазахъ. Въ вечеру мы были уже дома, т. е. въ Эски-Баркачѣ.

Въ нашему возвращенію произошла полная переимѣна командной части въ нашъ корпусъ. Генералъ-адъютанту Гурко, получившему сначала въ командованіе кавалерію западнаго отряда, подчинены были, кромѣ того, особымъ распоряженіемъ, и всѣ тѣ пѣхотныя части, которыя переходили на лѣвый берегъ Вида, а вскорѣ затѣмъ онъ получил въ командованіе и надъ всѣми нашими корпусомъ, съ титуломъ «начальника войскъ гвардіи и кавалеріи западнаго отряда»; начальникомъ имъ

ба былъ назначенъ генералъ-маіоръ Нагловскій, а графъ Воронцовъ-Дашковъ уѣхалъ въ руссукскій отрядъ для командованія кавалеріею этого отряда. Изъ нашихъ офицеровъ его сопровождали: полковникъ Гудимъ-Левковичъ и Энгельгардъ. Последний вернулся съ дороги по болѣзни. Штабъ нашего корпуса былъ слитъ съ отряднымъ, и генералъ-адъютантъ Гурко приказалъ намъ всѣмъ, съ канцеляріей, перебраться къ нему въ авангардъ, въ Лени-Баркачь, что и было исполнено раннимъ утромъ слѣдующаго дня.

А. Пузыревскій.

(Продолженіе будетъ).